

Храм Афродиты

Елена
Арсеньева

МЕЧ ЭРОСА

Елена Арсеньевна Арсеньева

Меч Эроса

Серия «Храм Афродиты», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23054578

Аннотация

Отец Тимандры погиб в безднах знаменитого критского лабиринта, где он искал сокровища древних царей. Одной радостью жива девушка – служить в храме Великой Богини. Однако во время посвящения ей открылась страшная тайна: верховный жрец и его любовник Сардор намерены заставить критян поклоняться Молоху, который требует человеческих жертв.

Тимандра изобличила их, но теперь должна бежать с Крита. Мореходы продают ее в портовый бордель. Идомену – так теперь называли Тимандру – спас красавец Алкивиад. На застежке его плаща отчеканено изображение Эроса с мечом – и этот меч смертельной любовью поразил Идомену-Тимандру. Отныне что бы она ни делала: встречалась с мужчинами, помогала грабителям обирать простодушных горожан, училась в школе в школе гетер, изобличала лесбиянок-убийц, вела бурную жизнь куртизанки, – она мечтала лишь о новой встрече с Алкивиадом. Вот только встретила она его брата-близнеца Хореса...

Кого же любит Тимандра? И кому из двух братьев станет верной спутницей до последнего дня его жизни?

Это вторая книга из серии «Храм Афродиты».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Елена Арсеньева

Меч Эроса

© Арсеньева Е.

© дизайн обложки – Арсеньева Е., 2020

При оформлении использован фрагмент картины Лоуренса Альма-Тадема «В тепидарии», 1881

*О легконогая дева,
Твой танец угоден богине!
Но все же проворней кружись,
Быстрее беги,
А то не догонишь того,
Кого ловит твой взгляд!*

*...Кружись не кружись,
Беги не беги,
Все равно ты его не догонишь...
Из критских гимнов Великой Богине*

Крит, развалины Кнососа

Рассвет едва занялся, в селении и в храме все еще спали.

Старый колодец дышал затхлостью и такой непроглядной тьмой, словно Тимандра заглянула в самую сердцевину земли. Наверное, так оно и было, ведь никто не знал глубины колодца. Вырыли-то его во времена незапамятные, когда Дворец Миносов не в развалинах лежал, а сиял пышностью и

великолепием критян, властителей моря. Очень может быть, в этом колодце брали воду еще для Минотавра, страшно-го обитателя Лабиринта! Минотавра победил Тезей, дворцы Миносов были разрушены землетрясением, Крит сделался частью Эллады,¹ его бывшее могущество осталось лишь в воспоминаниях. Но если взять с собой факел, а потом спуститься по высохшим уступам в стенах колодца, можно попасть в сокровищницы Миносов, где до сих стоят, полужасыпанные замлей, сундуки с роскошными одеждами, которые топорщатся от золота, и камнями, сияющими на солнце ярче самого солнца.

Когда-то отец Тимандры промышлял тем, что спускался в этот колодец и блуждал по закоулкам Лабиринта, а потом возвращался с богатой добычей. Односельчане презрительно прозвали его Клефтис, то есть вор, однако все втихомолку ему завидовали. Мало у кого хватало храбрости побывать в Лабиринте, где из-под камней кое-где торчали кости скелетов, будто в настоящем царстве мертвых. А главное – верховный жрец храма Великой Богини ценил добычу Клефтиса и хорошо ему платил! Клефтис был самым зажиточным человеком в этом небольшом селе, притулившемся возле старого

¹ В описываемое время такого понятия, как Греция, не существовало, это слово возникло позднее, уже во времена римского владычества. Страна называлась Элладой, а жители ее – эллинами и эллинками. Долгое время Элладой считалась только материковая Греция, и лишь потом, постепенно, к ней присоединялись острова и часть Малой Азии. Однако критяне долгое время противопоставляли себя эллинам (*Здесь и далее примечания автора*).

храма. Тимандра никогда не ведала нужды; к тому же, отец заранее постарался обеспечить ее будущее щедрыми приношениями в храм. Пока что она только заводила храмовые танцы и гимны во время ритуальных празднеств (и все говорили, что так, как Тимандра, не поет и не танцует никто в округе, все девушки ей завидовали!), но когда-нибудь она станет жрицей Великой Богини!

Иногда Клефтис возвращался с мешком, настолько тяжелым от золота и драгоценностей, что едва мог выбраться из колодца. С каждым разом он приносил все больше, но вот однажды добыча оказалась слишком богатой, а мешок – слишком тяжел. Веревка не выдержала и лопнула, уже когда Клефтис был почти у поверхности земли.

Тимандра, которая, как всегда, поджидала отца у края колодца, чтобы принять добычу и помочь ему вылезти, внезапно услышала пронзительный крик, который еще долго несея из глубин, постепенно удаляясь, пока не воцарилась тишина. Кое-как справившись со страхом, она потянула веревку – и помертвела, увидев короткий разлохматившийся конец.

Некоторое время Тимандра тупо смотрела на него, не в силах понять, что это значит, но наконец ужас поразил ее, как стрела.

– Отец! – закричала она, нагнувшись. И снова, снова звала, давясь слезами, но так и не дождалась ответа...

С тех пор прошел год, но во всем селении больше не нашлось ни одного храбреца, который осмелился бы спустить-

ся в бездны Лабиринта. Верховный жрец очень сильно гневался за то, что храм Великой Богини лишился приношений, и предрекал селению всяческие беды, однако мужчины предпочитали обрабатывать свои клочки земли, виноградники и оливковые деревья, чем искать удачу в подземном царстве мертвых, в котором теперь поселился и Клефтис.

Только Тимандра порою приходила к колодцу, как другие приходят на могилы близких, наклонялась над ним, бросала в темноту лепешки или нежные бледные розы, куст которых отец посадил около их дома, когда она родилась, и рассказывала, как живет, всей душой желая уловить хоть какой-то отзвук, однако снизу звучала только тишина.

Может быть, колодец был так глубок, что ее голос просто не долетал до отца? А может быть, именно поэтому она не слышала его ответа?..

Но сейчас ей нужен был ответ! Непременно нужен! Никому на свете не могла бы она рассказать о том, что произошло, – только отцу, самому близкому ей человеку!

Матери Тимандра не помнила – та умерла в родах, поэтому девочка росла под присмотром отца и храмовых жриц и жрецов. Она привыкла любить и почитать их всех, как родных, но сейчас они были последними людьми на свете, которым Тимандра смогла бы открыть свою тайну.

– Отец... молю тебя или твой дух, помогите мне! Подскажите, как поступить! – звала она со всей страстью владевшего ею ужаса, почти не веря, что ей кто-то отзовется, – но

тьма вдруг словно вздохнула, а потом послышались странные шлепающие звуки, которые постепенно приближались к Тимандре, как будто кто-то поднимался к ней из глубины земли.

Девушка бросилась бы прочь, да ноги подкосились. Она навалилась на край отверстия, еле дыша от страха, и увидела... увидела огромную белую лягушку, которая медленно и тяжело прыгала по еле заметным выступам в стенах колодца, на миг словно прилипая к ним, а потом переваливаясь на следующий выступ.

Наконец она остановилась, подняв к Тимандре свою бледную голову и прозрачные, будто вода подземного ручья, глаза.

– Отец?! – едва слыша собственный голос, пробормотала Тимандра, и лягушка хрипло квакнула, словно издала издательский смешок.

Тимандре стало стыдно своей глупости.

Отец рассказывал, что видел два или три раза в переходах Лабиринта таких огромных лягушек. А может быть, она была одна. Вот эта самая, которая поднялась к Тимандре... Сколько ей лет – сотен, а то и тысяч! – даже представить немыслимо. На сохранившихся в развалинах дворца древних картинах можно было увидеть Великую Богиню – как и положено, с двумя ритуальными змеями в руках, – но иногда около ее ног была изображена белая лягушка. Говорили, будто в этих лягушек в прежние времена превращались по-

сле смерти все богини – на-земле – так на Крите называли жриц, которые издревле участвовали во всех тайных обрядах, изображая Великую Богиню.

Эти лягушки неведомым образом подсказывали богиням-на-земле пророчества. Неужели одна из них явилась Тимандре?!

Да нет, не может быть...

В то мгновение лягушка снова издала хриплый звук, но сейчас в нем можно было расслышать усталость и нетерпение. Она словно говорила: «Я поднялась к тебе из неизмеримой глубины, а ты стоишь и молчишь? Хочешь, чтобы я ушла?!»

– Нет-нет, – пробормотала Тимандра, – молю тебя, останься... я расскажу... я все расскажу! Понимаешь, вчера мне исполнилось пятнадцать, и наш верховный жрец...

Показалось, или глаза лягушки при этих словах внезапно потемнели и в них появилось гневное выражение?... Наверное, Великая Богиня не может не гневаться, что теперь в ее храмах предводительствуют не женщины, а мужчины, уверяя, что женщины слишком плохо исправляли службу, за что и навлекли на себя гнев Владычицы, покаравшей остров гибелью царствующего дома и страшным землетрясением...

Но тотчас глаза лягушки вновь стали прозрачными: казалось, она ждала – и Тимандра, спеша и сбиваясь, начала свой рассказ.

Крит, развалины Кнососа, храм Великой Богини и святилище Фаллу

Вчера верховный жрец Аитон призвал Тимандру к себе. Девушка склонилась перед ним, а он сказал:

– Подними глаза!

Тимандра не осмелилась; тогда Аитон повторил:

– Взгляни на меня!

В голосе его звенел металл, и взгляд темных глаз, сильно подведенных стимией,² был суров.

Тимандру охватила дрожь – чем она провинилась?! Однако жрец не стал бранить ее, а спросил:

– Тебе уже пятнадцать, это правда?

– Сегодня исполнилось, я так думаю, – прошептала Тимандра.

– Значит, ты вполне готова... готова служить в храме и даже воспринять пророчество бога.

Тимандра вытаращила глаза.

Время от времени девушек, достигших пятнадцатилетия, приглашали послужить в храме Диониса той ночью, когда он приходил поклониться Великой Богине, посвященным и жрецом которой он был.

Известно было, что Дионис вселялся в верховного жреца, а девушка отдавалась ему, чтобы выслушать пророчество бога, вдохновленного Великой Богиней. В прошлом году, впрочем, случилось так, что девушка оказалась неспособна услы-

² Стимия – древнее греческое название сурьмы, черной краски для глаз.

шать пророчество и наутро ничего не сообщила людям... Это был дурной знак, и никто потом не удивлялся, что земля плохо плодоносит, виноград гниет на цвету, а оливки рождаются сухими и сморщенными.

По обычаю возлюбленными бога всегда были истинные эллинки – высокие, белотелые, пышные, светлоглазые и золотоволосые. А она, Тимандра... она самая настоящая критянка: маленькая, худенькая, с ворохом выющихся черных волос и зеркально-черными глазами. Она такая же, как все в этом селении. Она бедная сирота. За что выбрали ее?

В обведенных стимией глазах жреца мелькнуло холодное недоумение: почему эта малявка не падает ниц и не лобызает ему ноги в знак восторга и покорности?! И тем более неприятно, что это видит Сардор...

Наконец Тимандра, спохватившись, повалилась на колени, потянула к губам полу белоснежного жреческого одеяния.

Вдруг ей послышался легкий шорох за колонной храма. Покосилась туда, не разгибаясь, – и увидела чьи-то ноги в высоко зашнурованных сандалиях и край короткого, выше колен, темного гиматия.

Это был не один из храмовых жрецов – те носили только белые одеяния до самой земли. Это не мог быть и кто-то из крестьян – у незнакомца оказались слишком длинные и худые ноги для критянина; вдобавок, таких дорогих сандалий, украшенных множеством золотых пластинок и блестя-

щих камней, никто здесь не смог бы себе позволить.

В то же мгновение незнакомец попятился и скрылся. Тимандра так и не успела его разглядеть.

– Слушай меня! – нетерпеливо одернул ее Аитон. – Ты еще не перед кем не развязала свой девичий пояс, надеюсь?

– Как можно, господин мой! – ужаснулась Тимандра. – Я ведь посвящена Великой Богине и должна ждать своего срока встретиться с Дионисом.

– Твой срок настал, – объявил Аитон. – Только вот в чем беда – Дионис не любит девственниц. Ему по душе буйные менады, искушенные в любовных утехах. Поэтому ты должна будешь прямо сейчас пойти к великому Фаллу и отдать ему свою первую кровь. Затем жрица поможет тебе исцелить боль, чтобы ночь ты была готова принять Диониса в лоно свое и услышать его вещий голос.

Аитон выдернул полу своего одеяния из судорожно сжавшейся руки Тимандры и удалился, и она медленно осела на пол, чуть живая от страха.

Отдать свою первую кровь Фаллу...

В прошлом году Мелия, прежняя возлюбленная Диониса, чуть не умерла, когда совокуплялась с Фаллу, чтобы приготовить себя к священной встрече. Все лоно ее было разорвано, кровоточило, болело, она кричала и стонала во время встречи с богом... Очень может быть, именно поэтому она и не смогла расслышать его пророчеств.

В отличие от других девушек, отдававшихся Дионосу – а

их хотели взять в жены самые привлекательные и зажиточные мужчины округи! – к Мелии никто не спешил посвататься. Считалось, что она принесла неурожай в село... Чтобы избавиться от проклятий, Мелия и ее мать перебрались на южный берег Крита, где у них была какая-то дальняя родня. Но куда податься Тимандре, если она окажется неспособной исполнить свое предназначение? За нее некому заступиться и искать приюта ей негде... Только и останется, что броситься в тот же колодец, где погиб отец!

И вдруг Тимандра вспомнила, как однажды долго рыдала от страха, провожая отца на промысел, а он строго запретил ей плакать и добавил:

– Твои слезы делают меня слабым, моя маленькая девочка. Плохо отправляться в путь, думая о том, что тебя ждет беда. Надо идти с надеждой на удачу! Поэтому никогда не думай о плохом, когда что-то начинаешь, – лучше призови на помощь Богиню!

Это воспоминание пришло очень вовремя. Тимандра склонила голову в знак покорности и почти беззвучно зашептала:

– Великая Богиня, мать и возлюбленная всего сущего, помоги мне пройти испытание и услышать пророчество! Ты знаешь, златогрудая, что моя жизнь с самого рождения была посвящена тебе, что мой отец служил твоему возвеличению, когда отправлялся в сокровищницы Лабиринта. Он отдан тебе в жертву... смилуйся же надо мной! Прими меня

в руку свою!

И замерла, ожидая знака того, что Богиня услышала ее мольбу.

Многие в тяжелые минуты норовят воззвать к Владычице, но не всем она отзывается, не всем покровительствует. Порою она остается глуха к самым страстным мольбам, и тогда человеку остается только перебирать в уме все совершенные им поступки, которые могли бы прогневить покровительницу всего сущего и заставить ее отвернуться от него...

Тимандра ждала, затаив дыхание, сама не зная, какой знак ей должен быть подан, но внезапно ощутила, как ее смятенной душе стало легче. Почудилось, что ее прикрыли неким незримым покрывалом, которое отделило ее от всех бед и невзгод – и минувших, и грядущих. В ушах слегка шумело, и это было похоже на чей-то шепот. Тимандре словно бы внушали, что она пройдет все испытания – и чем тяжелей они будут, тем сильнее станет она, а главное – она рано или поздно уверится, что это ей на пользу!

– Благодарю тебя, Великая Богиня, – прошептала Тимандра. – Не оставь меня и впредь.

С этими словами она поднялась и отправилась в покои Фаллу.

Это был совсем небольшой храм, устроенный в развалинах святилища, некогда гордо возвышавшегося на холме, но уничтоженного все тем же землетрясением, да так и не отстроенного заново. От бывшего великолепия остался только

один небольшой зал, в центре которого стоял идол Фаллу.

Эллины называли его Приапом – сыном Гермеса и Афродиты, воплощавшим собой непомерную чувственность и постоянную готовность к соитию. О внешности Приапа мало кто что знал, да и кому была интересна эта внешность? Главное, что Приап обладал огромным и неутомимым фаллосом, изображения которых эллины ставили где могли, не только в храмах, но даже на кладбищах и в огородах, надеясь, что эта могучая жизненная сила охранит их от всяческих бед и несчастий. Приап не требовал себе никаких жертв, кроме безудержного и неутомимого блуда.

Однако совсем иначе почитали Фаллу на Крите. Прежде это вообще был тайный культ, не слишком-то угодный Великой Богине, недолюбливавшей мужчин.

Фаллу требовал себе в жертву первую кровь девственниц...

Это было божество, которое являлось сначала огромным и могучим, но со временем оно таяло и изнемогало, постепенно исчезая и сходя на нет. Идол Фаллу лепили из воска, и сначала был он таким огромным и толстым, что разрывал лона несчастных девственниц. Однако потом, после нескольких жертвоприношений, не единожды омытый девичьей кровью, а затем – теплой водой с корнем риза сапоуни³ (это омовение совершали собственноручно жрицы Фаллу, которые и сами никогда не упускали случая с ним совоку-

³ Мыльнянка, мыльный корень (греч.).

питься, невзирая на его мощь и размер, называя это женским жертвоприношением), Фаллу изрядно уменьшался в размерах и становился не больше священного лоури или олисба (в Коринфе его называли лоури, а в Афинах – олисбом) – искусственного фаллоса, который непременно есть у всякой женщины, зарабатывающей на жизнь самым нехитрым и древним ремеслом. Впрочем, иные из замужних жен тоже держат эти игрушки для своих тайных игр и очень тщательно прячут их от мужей.

Может быть, мощь Фаллу во время его уменьшения и становилась не столь впечатляющей, зато девственница переносила соитие легче, испытывала куда меньше боли, а иногда даже и удовольствие могла получить. Бедняжке Мелии не повезло, она угодила на только что воздвигнутый Фаллу, но когда в тайный покой вошла сопровождаемая жрицей Тимандра, она вздохнула с облегчением: бог, видимо, уже истратил почти все свои силы и выглядел вполне безобидно.

Девушка хотела вознести благодарность Великой Богине, но, покосившись на жрицу, благоразумно смолчала: уж очень суровой та выглядела.

Омыв Тимандру в небольшом водоеме, устроенном у подножия Фаллу, жрица умастила ее нежное, нетронутое лоно оливковым маслом и приказала взойти на помост, а потом сесть на идола. Тимандра никак не могла сообразить, как же это сделать, так что жрице пришлось показать ей, и было видно, что она с трудом удерживается от желания принять

Фаллу в себя. Но идол был уже приуготовлен к девственной жертве, и совокупление с опытным лоном могло его разгневать.

Тимандра постаралась в точности повторить все движения жрицы, однако, ощутив первую боль, испуганно приподнялась и начала отодвигаться от идола.

– Не смей! – сердито вскричала жрица. – Глупая девчонка! Раздвинь пошире ноги и сядь. Боль – это лишь мгновение, за которым придет блаженство!

Но Тимандра все никак не могла решиться, и наконец жрица с возгласом:

– Да что я тебе, Афина, которая раздвигает Симплегады?!⁴ – схватила ее за ноги, раздвинула их и толкнула Тимандру так, что она с размаху села на Фаллу.

Испустив вопль, девушка поникла почти без чувств, но жрица еще заставила ее немного подвигаться на идоле, угрожая всеми возможными карами, едва Тимандра начинала жалобно скулить, умоляя позволить ей подняться.

Наконец мучительному жертвоприношению пришел конец.

– Ты глупа и неумела, – уничтожающе сказала жрица, омывая истерзанное лоно Тимандры и смазывая его каким-то жиром, который мгновенно унял огонь и боль. – Мо-

⁴ Симплегады встретились в пути аргонавтов в Колхиду. Эти скалы непрерывно раздвигались и сдвигались вновь, давая все, что попадало меж ними. Афина Паллада, благоволившая к Язону, держала Симплегады раздвинутыми, пока корабль «Арго» не проскользнул между ними.

лись, чтобы ты не прогневила бога своими стенаниями! Он-то предпочитает стоны восторга...

Затем она внимательно осмотрела Фаллу – и смягчилась: – Но тебе повезло. Ты очень глубоко приняла бога. И он заполнил тебя всю. Даже странно – ведь ты такая маленькая! Но лоно у тебя уже сейчас – как у много испытавшей женщины. Это сулит тебе немало неприятностей.

Тимандра с тревожным любопытством уставилась на нее: – Почему? Что значат твои слова?

– Это значит, что ты вряд ли найдешь свое счастье с обычным мужчиной, – пояснила жрица. – Тебе его будет всегда мало. Ты всегда будешь искать чего-то большего... – Она хитро усмехнулась. – Я в свое время тоже приняла Фаллу во всю свою глубину и ширину. И с тех пор решила остаться в его храме. Ничуть не удивлюсь, если и ты рано или поздно окажешься среди нас, его жриц, страдающих неутоленной жадой блаженства и находящих его только с Фаллу...

Тимандра опустила глаза, чтобы жрица не заметила недоверия к этим словам. Испытать блаженство от такой боли?! Впрочем, всякая жертва сопряжена с мучением, а таинство – на то и таинство, чтобы его понимали лишь посвященные. Тимандра еще не стала таковой. Вот когда с нею совокупится Дионис в образе Аитона – тогда, быть может, она хоть что-то сможет понять.

Жрица вывела ее из святилища и проводила на тропу, ведущую к храму Великой Богини.

Тимандра уже склонилась в прощальном поклоне, когда жрица положила ей руку на плечо:

– Погоди-ка. Ты, случайно, не видела гостя?

– Какого гостя? – удивилась Тимандра.

– Того, который прибыл к Аитону из-за моря.

– Из-за моря?! – восторженно ахнула Тимандра. – Неужели такое возможно?!

В ее представлении прибыть из-за моря значило примерно то же, что спуститься с неба.

– Значит, не видела... – разочарованно пробормотала жрица. – Как бы я хотела знать, зачем он явился вторично – ведь, кажется, он уже был здесь во время прошлогодного бракосочетания, и тоже тайно! – и почему его так обхаживает Аитон? Никого не допускает в те покои храма, которые отвел этому гостю, прислуживает ему сам и даже, кажется, сам его омывает... Ну ладно, прощай. Желаю тебе удачи при встрече с Дионисом. Помни, что он может оказаться не столь снисходительным, как Фаллу! То снадобье из ерондас со склонов Дикты,⁵ которым я тебя смазала, должно исцелить твои раны – не зря раненные козы ищут эту траву, чтобы вылечить-ся! – но, даже если не все заживет, постарайся выдать стоны боли за стоны восторга. Это для твоей же пользы, поверь! Прощай.

⁵ Ерондас – старинное греческое название критской душицы, более известной как диктамион или диктамиус, поскольку больше всего ее растет на склонах горы Дикты. Поскольку некогда в пещере этой горы рос сам Зевс, трава обладает многими чудесными свойствами.

И жрица ушла прежде, чем Тимандра успела рассказать, что заметила какого-то незнакомца у Аитона – вернее, успела увидеть только его ноги в нарядных сандалиях да край одежды. Может быть, это и был тот самый загадочный гость из-за моря?

А впрочем, что до него Тимандре? И что ему до Тимандры? Его приезд на Крит и ее жизнь – это две разные нити из двух разных клубков, которые прядут вещицы пряжи, и никогда им не пересечься!

С этими словами девушка направилась к храму Великой Богини, порою морщась от еще не вполне унявшейся боли и стараясь ступать поосторожней. Мелкие камушки трещали под ее ногами, в оливковых деревьях обочь тропы громко распевали птицы, и этот шум помешал Тимандре расслышать ехидный смешок Лахезис, ⁶ донесшийся с небес.

Крит, храм Великой Богини

Настало время приготовиться к священной брачной ночи. В углу залы будто лебяжий пух, а благоухали, словно розовые кусты. Что и говорить, новой возлюбленной Диониса будет мягко возлежать на этом ложе!

Волосы Тимандры были заплетены в косы и закручены над ушами, в них торчали сверкающие золотые шпильки со

⁶ Лахезис – одна из трех мойр, вещих сестер, которые прядут нить жизнь. Клото прядет эту нить, Атропос перерезает ее, но именно Лахезис определяет судьбу человека.

змеиными головами. Однако, когда немолодая жрица надела на Тимандру золоченый корсет, подпирающий снизу груди (соски их были подкрашены золотом), и тяжелые от золота юбки, девушка заметила, что корсет там и сям потерт, а юбки изрядно истрепались по подолу. Ткань тут и там сквозила дырами, нашитые на нее золотые пластинки потускнели, а кое-где даже отвалились.

В большом бронзовом зеркале Тимандра видела свое отражение, и в свете факелов могла разглядеть, что ноги ее просвечивают сквозь эти дыры.

Право слово, даже те бродячие акробаты, которые в прошлом году забрели в селение, представляя историю Тезея и Ариадны, были одеты аккуратней и... и богаче!

Не разгневается ли Владычица на Тимандру, если та покажется Дионису в таком оборванном виде?

– Я бы успела зашить кое-какие дыры, хотя бы самые большие, – робко предложила девушка, однако жрица Великой Богини, худая и невзрачная, уныло покачала головой:

– Мы не раз предлагали Аитону сделать это, но он отказывается. С ним что-то странное происходит... Владычицу забывают, словно беззубую, никому не нужную старуху... Ты еще слишком молода и не можешь знать, какой силой и властью обладала она прежде! Когда священный хоровод женщин выходил по весне, чтобы проводить ее к божественному супругу, все мужчины старались убраться подальше с их пути и не попадаться им на глаза, иначе они могли быть разо-

рваны в клочки! В эту ночь даже сам Дионис остерегался своих менад, с которыми в другое время пел, пил и предавался мимолетной страсти. А сейчас... сейчас мы справляем бракосочетание Великой Богини скромней, чем свадьбу согрешившей деревенской девки, которую родители хотят поскорей выпихнуть замуж!

Жрица взглянула в испуганное лицо Тимандры – и пренебрежительно махнула рукой:

– Да что ты понимаешь, маленькая невзрачная дурочка?! Ты выросла при храме, но не знаешь о таинстве ровно ничего. К тому же, ты некрасива. Уж и не знаю, сможешь ли ты прельстить бога, сможешь ли услышать пророчество. Я каждый год ждала, что меня призовут на бракосочетание к Дионису... я бы услышала каждое слово! Грудь мои иссохли в этом ожидании, но священный жребий вновь миновал меня...

Внезапно жрица осеклась, испуганно оглянулась и, поспешно поклонившись Тимандре до земли, убежала: накануне встречи Диониса и Великой Богини в храме не должно было остаться ни одного человека.

Послышались шаги, и Тимандра, все еще испуганная той ненавистью, которая звучала в словах жрицы, увидела Аитона. Его уже облачили в леопардовую шкуру и увенчали венком из виноградных листьев. Это были одеяния Диониса. В руках у него была золотая чаша.

– Выпей, невеста бога, священный брачный напиток, –

сказал Аитона, подавая чашу Тимандре.

Вместо ручек у чаши были бычьи головы.

Девушка чуть не выронила ее!

Хоть чаша была полна до краев темным пенистым вином, Тимандра знала, что и на дне ее отчеканено изображение бычьей головы...

Она сразу узнала эту чашу. Ее принес отец несколько лет назад... Тимандра хорошо запомнила это событие, потому что отец в тот день выбрался из колодца раньше обычного, и из всей добычи у него в мешке лежала только эта чаша. Отец был испуган и сказал, что недра словно бы дышали, на него сыпалась земля, камни шевелились... Он поскорей поднялся на поверхность, чтобы предупредить людей: может случиться землетрясение! – однако, пока он лез вверх, все утихло, и он потом пожалел, что так перепугался и явился почти без добычи.

Чашу Клефтис, конечно, отнес в храм – но вернулся без денег и очень удрученный, а Тимандре рассказал, что Аитон его очень сильно бранил и грозил проклятием за то, что принес эту чашу. Оказывается, она принадлежала культу Минотавра, рожденного от связи царицы Пасифаи, жены Миноса, с быком, обреченным в жертву Посейдону. Тело у Минотавра было мужское, а голова – бычья. Ариадна, воплощавшая в то время богиню-на-земле, была его сестрой, но помогла Тезею найти выход из Лабиринта и одолеть Минотавра не только потому, что влюбилась в афинского героя. Она хотела

избавиться от своего ужасного брата, который вожделем ее. Аитон раньше рассказывал, что Посейдон поразил Крит землетрясением из-за того, что Минотавр жаждал осквернить Великую Богиню и получить трон Миносов после смерти отца. Эту чашу, сказал тогда Аитон, нужно снова предать земле, чтобы не гневить Посейдона. Конечно, недра начали дышать именно потому, что бог разгневался на Клефтоса, коснувшегося чаши!

После этого отец Тимандры даже не заглядывал в те подземные коридоры, где нашел чашу с изображением Минотавра. И девушка была убеждена, что Аитон в самом деле вернул земле древнее сокровище. Но вот она снова держит чашу в руках!

– Пей же, – настойчиво сказал Аитон, и Тимандра, которая хотела спросить, почему ей подана запретная чаша, не осмелилась возразить и сделала несколько глотков.

– Выпей до дна! – велел Аитон, но девушка оцепенела.

Такого пряного, сладкого, тягучего и пьянящего вина она никогда не пила!

Оно было похоже на свежий мед, и в то же время в нем отзывался темный, терпкий вкус, который вмиг связал язык Тимандре, и она ощутила, что ее покинул дар речи, а потом в глазах потемнело и руки ослабели.

Она испугалась было, что уронит драгоценную чашу, но тотчас почувствовала, как Аитон принял ее из ослабевших рук.

Тимандра ощутила, что ноги у нее подгибаются, а веки наливаются тяжестью. Потом девушка почувствовала, что Аитон поддержал ее и осторожно опустил на ложе. Голова так сильно закружилась, что показалось, будто ложе вместе с ней оторвалось от земли и несется невесть куда.

Но вот головокружение прекратилось, и Тимандра осознала, что она по-прежнему в храме – лежит на мягчайших козьих шкурах и ждет встречи с богом.

Странно... почему-то Аитон не спешил прикасаться к ней. Не то чтобы Тимандра этого жаждала, скорей, наоборот, однако брачный обряд должен быть исполнен! Что же он медлит?..

– Погоди, прекрасный мой Аитон! – раздался нежный женский голос, и на миг Тимандре почудилось, что это она заговорила. Однако это оказался голос какой-то другой женщины – говорившей чуть в нос, да еще странно, незнакомо выговаривавшей слова.

Кто это? Одна из жриц?

Тимандра попыталась посмотреть, но не смогла открыть глаза. И в то же время с ней случилось что-то очень странное. Тимандра знала, что она, скованная тягостным оцепенением, лежит на брачном ложе богини, – и в то же мгновение удивительная легкость овладела ею и она словно воспарила высоко-высоко, под самые своды храма, и оттуда увидела свое собственное бессильно распростертое тело, стоявшего над ним Аитона, а рядом с ним – какого-то невысоко-

го, очень худого юношу с длинными, тяжелыми, старательно завитыми иссиня-черными волосами. У него были огромные черные глаза, тоже, как у Аитона, обведенные стими. Лицо было таким бледным, что нарумяненные щеки и накрашенные губы казались окровавленными. Юноша был обнажен по пояс и облачен только в фуста – короткую юбку наподобие тех, которые носили мужчины на Крите еще с древних времен. Только его фуста оказалась гораздо короче, и на ней не были нашиты золотые пластины.

Тимандра взглянула на его худые ноги в высоко зашнурованных сандалиях и поняла, кто он. Тот человек, которого она мельком видела недавно!

Неужели это и есть таинственный гость Аитона, прибывший из-за моря? Тогда, наверное, не стоит удивляться, что он так странно выглядит... Может быть, молодые мужчины за морем все ходят в коротеньких фуста, чуть прикрывающих бедра, завивают волосы и обводят соски золотой краской? У Тимандры они тоже обведены, но ведь она сейчас изображает Великую Богиню, а этот юноша?.. И почему он говорит женским голосом? Почему ведет себя так, словно он – не мужчина, а девушка, желающая соблазнить мужчину?

Как он подходит к Аитону! Как виляет при этом бедрами! Как смотрит на него исподлобья, играя глазами!

– Клянусь Молохом, очаровательный Сардор! – воскликнул Аитон. – Ты мне мешаешь! Я способен только любоваться тобой, а между тем я должен исполнить обряд и вбить

свой кол в ворота Великой Богини.

– Но ведь это не богиня, – промурлыкал Сардор. – Это просто деревенская девка.

– Но она должна произнести пророчество, иначе мы потеряем еще год, как потеряли прошлый! – настойчиво сказал Аитон.

– А ты помнишь, почему мы его потеряли? – спросил Сардор. – Потому что ты овладел девкой, которая ничего не со знавала и не понимала, кроме своей боли. Что, если и эта криками и воплями испортит все наши замыслы?

– Этого не может быть, – возразил Аитон. – Жрица поклялась мне, что Фаллу был не больше самого обычного песо-⁷а. К тому же, ее умастили маслом ерондас, а оно не только унимает боль, но и гасит желание. Девка будет покорно лежать подо мной и слушать пророчество, чтобы потом повторить его.

– Нет, я не вынесу этого! – вдруг вскричал Сардор, заломив руки, словно женщина в припадке крайнего отчаяния. – Довольно с меня прошлогоднего мучения! Тогда ревность едва не свела меня в могилу. Молю тебя... не тронь ее! Зачем тебе она, когда здесь есть я? Она ведь все равно услышит все, что ты должен произнести...

– Клянусь Молохом, – воскликнул Аитон, – любовь моя, Сардор, ты не только самый соблазнительный, но и самый умный из всех кедешим!

⁷ То же, что фаллос, но с оттенком пренебрежения.

«Что такое кедешим? – удивилась Тимандра – та, которая словно бы витала под сводами храма и наблюдала за происходящим. – И кто такой этот Молох, которым уже второй раз клянется Аитон?»

А затем ей пришлось удивиться еще сильнее, потому что жрец сорвал с себя леопардовую шкуру и венок Диониса и достал из сундука огромную бычью голову.

Разумеется, Тимандра сразу поняла, что это не настоящая голова: она искусно сделана из дерева и кожи. Рога вызолочены; таким же был и нос быка; глаза тоже обведены золотом...

Аитон надел бычью голову – и Тимандра закричала бы от ужаса, если бы смогла издать хоть звук.

Минотавр! Перед ней стоял Минотавр! Чудище с головой быка и телом человека!

Но ведь это страшное святотатство – в ночь встречи Великой Богини и Диониса вызывать призрак Минотавра, ее смертельного врага!

При виде преображенного Аитона Сардор повалился на колени и припал к его стопам, восклицая:

– Молох! Великий, возлюбленный Молох! Вижу тебя! Молюсь тебе! Поклоняюсь тебе! Принадлежу тебе!

«Наверное, там, за морем, откуда прибыл этот худосочный красавчик, Минотавра называют Молохом», – подумала было Тимандра, однако тотчас же забыла обо всем на свете, испуганно наблюдая, как напрягается и восстает фаллос

Аитона.

Все лоно ее заняло от боли, словно и не было смазано ерондисом.

Однако не к ней оказалось обращенным вождение жреца!

Он шагнул к Садору и сорвал с него фуста. Тимандра с изумлением обнаружила, что на чреслах Сардора спереди нет никаких мужских признаков. Там виднелись только темные пятна, какие остаются после ожогов. Что с ним случилось, с несчастным?!

Тем временем Аитон рывком повернул Сардора к себе спиной – и припал к нему своими возбужденными чреслами.

Сардор испустил пронзительный, тонкий вопль... Похоже было, что это кричит женщина! Потом он только стонал, и это были стоны восторга. А Аитон двигался медленно, размеренно, и из рта его вылетали слова – немного заглушенные маской, но тяжелые, как расплавленное олово. Они обжигали слух Тимандры, девушка понимала, что это пророчество, она силилась все запомнить, однако перед ней вдруг начали появляться какие-то странные фигуры.

Прежде их не было в храме, и Тимандра сообразила, что ей являются вещие видения. Огромный бронзовый идол, изображающий человека с головой быка... иступленные крики жрецов, танцующих вокруг него, и другие крики – смертельной боли... Тимандра не хотела смотреть, но не могла избавиться от этого ужаса, пока не рухнула вновь на

свое тело и не слилась с ним. Тогда сознание покинуло ее.

Крит, развалины Кнососа

Тимандра очнулась, когда рассвет едва забрезжил. Огляделась, все еще содрогаясь от воспоминаний...

Однако брачный покой Великой Богини и Диониса был пуст: ни Аитона, ни Сардора. Только в предрассветных тенях еще клубились смутные тени ночных видений.

Тимандра выскользнула из храма. Ей нужно было кому-то рассказать о случившемся, посоветоваться... но с кем? Самым мудрым человеком в округе считался Аитон, но его-то Тимандра меньше всего хотела сейчас видеть!

Поэтому она и пошла к колодцу, надеясь хоть возле могилы отца найти успокоение. А потом появилась белая лягушка...

Все, что происходило, и все, что видела и слышала, Тимандра торопливо, путаясь в словах, рассказала ей. Белая лягушка все это время неподвижно смотрела на нее своими блеклыми глазами, полуприкрытыми тяжелыми, сморщенными веками.

– Ты не отвечаешь... – простонала Тимандра. – Что мне теперь делать?

Лягушка издала какой-то хриплый звук – и внезапно ринулась вниз, с неожиданной ловкостью перепрыгивая с выступа на выступ. Еще мгновение Тимандра могла ее видеть, а потом лягушка скрылась в темноте, и теперь наверх доно-

сились только тяжелые, шлепающие звуки ее прыжков.

Тимандра растерянно моргнула – и чуть не упала, ощутив, как на ее плечо опустилась чья-то рука. Она была вся, от кончиков ногтей, окрашена в золотистый цвет и матово светилась в солнечных лучах.

Девушка удивленно оглянулась.

Аитон! Лягушка слышала его шаги раньше Тимандры, потому и скрылась.

Сколько же времени Тимандра провела здесь, у колодца? День уже разгорелся, а она по-прежнему не знает, как поступить...

– Что ты здесь делаешь? – сердито проговорил Аитон. – Люди собрались и ждут пророчества.

Жрец был облачен в длинную и просторную белую хламиду, которая прикрывала его тело и спускалась до земли. А может быть, Тимандре только померещилась леопардовая шкура Диониса и бычья голова Минотавра? И все, что было потом? И вообще – вся минувшая ночь померещилась?

– Ты помнишь пророчество? – грозно спросил Аитон. – Или оно вылетело из твоей глупой головы?

– Помню, я все помню, – испуганно выдохнула Тимандра. – Я все скажу, скажу...

Они чуть не бегом вернулись к храму и вошли в него сбоку.

Еще издалека Тимандра расслышала гул голосов, а когда они с Аитоном появились на ступенях храма, она ужасну-

лась при виде целого моря голов. Хотя в этом не было ничего удивительного – ведь, чтобы услышать пророчество, собирались жители не только ее селения, но и люди со всей округи. Многие даже спускались с гор. Еще в давние времена – после легендарных землетрясений – некоторые из прибрежных жителей ушли к вершинам Дикты, да там они и обосновались навсегда. Но и они явились сейчас к храму Великой Богини. Их можно было узнать по изобилию роскошных меховых плащей (в горах куда холодней, чем на побережье, тем более по ночам, а кое-где и летом снег не тает!). Горцы обычно обувались не в сандалии, а в короткие мягкие меховые сапоги, которые не снимали даже в самую жару.

Сейчас они, как и все прочие, нетерпеливо переминались с ноги на ногу и выкликали:

– Пророчество! Пророчество!

Аитон резко вскинул руки, а потом очень медленно опустил их ладонями вниз. Повинуясь этому жесту, люди постепенно замолкали, и к тому мгновению, как руки Аитона повисли вдоль тела, на площади воцарилась такая тишина, что Тимандра отчетливо слышала, как тихонько позванивают под легким ветерком золотые пластины, нашитые на ее одежду.

– Говори! – приказал Аитон. – Скажи людям все, что открылось тебе священной ночью во время тайной встречи богов!

Жрец положил ей руку на плечо – как бы для того, что-

бы подбодрить, – однако Тимандра ощутила, с какой силой вонзились его позолоченные ноги в ее тело. Боль заставила ее согнуться, а потом и опуститься на колени. Слезы нахлынули на глаза, и девушка не выговорила, а прорыдала пророчество, и люди, слушая ее дрожащий голос, содрогались и сами.

– Боги гnevаются на критян, – начала Тимандра, в голове которой мигom oжили все слова, произнесенные ночью Аитонoм. – Они открыли мне: то время, когда критяне позволяли женщине торжествовать над своими богами, должно уйти! Безвозвратно кануть в прошлое! Великая Богиня должна уступить свое место мужчинам, однако не тем бледным идолам, которых навязывают нам афиняне. Слишком долго Богиня отдавалась велеречивому и вечно хмельному Дионису. Ее истинный супруг никто иной, как Минотавр, и пред ним она готова склониться, ему готова покориться!

Площадь издала столь дружный и единый вздох, что можно было подумать, будто у всех собравшихся единая грудь. А Тимандра продолжала:

– Если бы Минотавр убил Тезея в Лабиринте, на Крите воцарилась бы власть, угодная нашим древним богам. Однако Ариадна, богиня-на-земле, предала брата, царство и всех критян ради чужака. Пора низвергнуть ту, кого она воплощала, и возвеличить истинное божество – земного быка, столь же могучего, как бык-Посейдон, колебатель морей! Приди же, Минотавр, владей нами, мы принадлежим тебе! – вос-

кликнула Тимандра, почувствовав, что рука Эвклиона еще ниже пригибает ее к земле, так что ей приходилось сильнее напрягать голос, чтобы все собравшиеся могли слышать пророчество.

Коленопреклоненная, поверженная девушка, воплощавшая Великую Богиню, – это зрелище, очевидно, производило сильное впечатление, потому что собравшиеся послушно, хоть и нестройно заголосили:

– Приди же, Минотавр! – но тут же воцарилась тишина, а потом раздалось несколько потрясенных восклицаний.

Дети испуганно заплакали.

Чуть повернув голову, Тимандра увидела никого иного, как Сардора с его бледным нарумяненным лицом и старательно завитыми иссиня-черными волосами. Однако сейчас на нем была не фуста, а такое же одеяние, как у Аитона. В руках он держал ту же самую бычью голову, которую ночью надевал на себя жрец! Это при виде ее онемели люди...

Но их ждало куда более удивительное зрелище! Сардор с низким поклоном преподнес голову Аитону, и тот водрузил ее на себя, а потом сорвал свою хламиду – и предстал перед людьми обнаженный. Не только руки, но все тело его, и даже восставший фаллос, оказались вызолочены, так что он напоминал изваяние какого-то странного, чужого бога.

Вновь общий вопль вырвался у собравшихся, и все дружно рухнуло на колени.

А Тимандра не отрываясь смотрела на Сардора, который

склонился перед Аитоном, тая похотливую улыбку, игравшую на его губах.

И тут девушку словно бы стрела пронзила!

– Молох! Великий, возлюбленный Молох! – закричала она вне себя. – Вижу тебя! Молюсь тебе! Поклоняюсь тебе! Принадлежу тебе!

Сардор разогнулся и с изумлением уставился на нее. Ведь эти же самые слова выкрикнул он ночью...

Аитон резко повернулся и устремил на Тимандру дырки, просверленные на месте глаз в бычьей голове. Девушка не могла видеть выражения лица жреца, хотя чувствовала исходящую от него угрозу. Однако она уже не могла остановиться.

То видение – страшное видение! – которое явилось ее внутреннему взору, пока Аитон предавался страсти с Сардором, вдруг стало не просто воспоминанием. Стоило Тимандре взглянуть на позолоченную фигуру Аитона с бычьей головой, видение словно бы ожило, сделавшись пугающей явью, – и это заставило Тимандру снова закричать, да так громко и страшно, что люди оцепенели:

– Не Минотавру будем поклоняться мы, а Молоху! Вызолоченный идол его огромен, руки его жаждут приношений, бычья голова на плечах его, а чрево разверсто и готово поглощать все новые и новые жертвы! В этом чреве семь огромных ртов, а внутри его горит пламень. Детей ваших поведут к Молоху со всех концов Крита, и жрецы с завитыми воло-

сами и наруганными лицами будут изжаривать их, чтобы насытить идола. Но ненасытима утроба его! Молох пожелает перебраться через море, чтобы подчинить себе всю Аттику,⁸ всю Элладу! И всякий раз предсмертные крики несчастных жертв будут сопровождаться сладострастными воплями жрецов, которые выжигают на себе признаки своего пола и отдают чресла свои другим мужчинам! За это их называют кедешим – посвященные, – и они верно служат своему страшному, ненасытному божеству!

– Она сошла с ума! – закричал Аитон, однако голос его глухо раздавался из недр головы, и люди его почти не слышали.

Да и не слушали! Слова Тимандры, произнесенные со страстью отчаяния, поразили собравшихся. Некоторые женщины сразу бросились прочь, унося детей, однако мужчины придвинулись к ступням храма и закричали, что не пустят кровожадного Молоха на свою землю.

Аитон воздел кулаки. Грудь его высоко вздымалась от тяжелого дыхания.

– Кто будет спрашивать вас, ничтожества! – глухо прорычал он. – Молох придет – и возьмет всех, кого захочет! Вы всего лишь пыль под ногами богов, так не все ли вам равно, чьи стопы топчут вас? Эллинские боги, перед которыми вы покорно пали ниц, жалки и немощны в сравнении с Моло-

⁸ Так называлась часть Эллады, в которой находились Афины, Коринф и некоторые юго-восточные области.

хом! А ты... Он резко обернулся к Тимандре. – Ты заслуживаешь смерти за то, что извратила пророчество!

При этих словах Сардор змеиным движением выхватил из складок своего одеяния стилет.

Солнце сверкнуло на узком лезвии, отразилось в черных огромных глазах Сардора и зажгло их жутким, смертоносным сиянием.

Тимандра уставилась на него, как замороженная. Она вдруг поняла, что белая лягушка канула в колодец так поспешно не потому, что ее спугнули шаги Аитона. Нет, это был ответ на вопрос Тимандры, что ей делать.

Бежать! Это значило, что ей нужно было немедленно бежать, а она пошла за Аитоном – навстречу смерти своей пошла! И сейчас будет убита...

Сардон шагнул вперед, занося стилет.

В толпе раздались крики в защиту Тимандры, но Аитон простер руки:

– Она умрет! Нельзя отнимать у бога его жерт...

Он не договорил и вдруг покачнулся. Вцепился ногтями в грудь и принялся царапать ее, словно подавился словами. Его скрутила судорога.

Аитон сорвал с себя бычью голову и уронил ее. Лицо его было налито кровью, глаза выкатывались из орбит, изо рта ползла пена. Он пытался вздохнуть, но безуспешно. Рычал, скреб ногтями тело, но оно было так плотно позолочено, что на коже даже царапин не оставалось.

– Ему нечем дышать! – крикнул кто-то в замершей толпе. – Он задыхается!

Ноги Аитона подкосились – и он тяжело грянулся наземь. Его нелепо взметнувшиеся руки задела Сардора, вышибли у него стилет.

Тот со звоном упал на каменные плиты, но Сардор этого даже не заметил, взыв:

– Аитон! Любовь моя!

Ответить ему было некому: пальцы жреца в последний раз судорожно сжались – и он окаменел.

– Ты погубила его! – закричал Сардор, падая на колени, припадая к мертвому телу и заливаясь обильными, как у женщины, слезами.

Люди растерянно смотрели, как плачущий Сардор покрывает поцелуями мертвое тело.

– Сдается мне, – раздался чей-то ехидный голос из толпы, – эти двое из тех, кто сеет на бесплодном камне, обращая свою похоть на подобных себе...

Вокруг раздались смешки.

Сардор поднял голову:

– Молчите, глупцы! А ты... – Взгляд его нашел Тимандру: – Ты проклята Молохом! Я убью тебя!

Чудилось, из глаз его ползут черные змеи, такой ненавистью был он исполнен.

– Гнать его! – закричали в толпе. – Пусть отправляется к своему Молоху, а мы по-прежнему будем служить Великой

Богине.

– И ее гнать! – выскочила вперед та самая жрица, которая одевала Тимандру. – Она предала Великую Богиню! Она хотела увлечь нас на поклонение чужому божеству!

«Я?! – чуть не закричала Тимандра. – Да ведь я предостерегла вас!»

– Раздевайся! – взвизгнула жрица, и злорадство, вспыхнувшее в ее глазах, поразило Тимандру едва ли не сильнее, чем ненависть Сардора. – Ты оскверняешь наряд Великой Богини!

Одной рукой жрица схватила Тимандру за юбку, а другой – за волосы.

Девушка отпрянула – ветхая ткань треснула, и Тимандра осталась обнаженной. Корсет тоже свалился. Одна шпилька выпала из прически и зазвенела по полу.

Жрица подхватила шпильку и жадно прижала к себе вместе с потертым одеянием, с которого сыпалась позолота. Наверное, она уже видела себя в этом обветшалом наряде – видела могущественной и прекрасной богиней-на-земле!

– А теперь пошла вон! – закричала она. – Гоните ее! Камнями! Гоните ее камнями!

Толпа привыкла слушаться служителей храма. Настроение ее мигом изменилось. Теперь виновницей всех бед стала Тимандра...

И вот уже взметнулись руки с камнями, вот уже кто-то выкрикнул грязное ругательство...

– Голая бесстыжая шлюха! – завопила жрица. – Бесстыжая тварь!

Ужас обуял девушку. Бежать, бежать! Не думая, не рассуждая, только обуреваемая желанием скрыть наготу от чужих глаз, она подхватила белое одеяние Аитона, набросила на себя – и кинулась вглубь храма. Оттуда она выскочила через боковой ход и понеслась вперед, ничего не видя перед собой от страха и слез, которые так и лились из глаз.

Тимандре слышался шум и крики бегущей следом толпы. Страх смерти придавал ей силы. Она бежала, ничего не видя, не понимая, куда стремится, мечтая только оказаться как можно дальше отсюда, бежала, бежала...

Пирей

Где-то там, чуть поодаль, виднелись холмы. На самом высоком можно было различить очертания высокой крепости.

Когда корабль пришел в пирейский порт и девушек выгружали на пристань, Тимандра слышала, как кто-то сказал:

– Там – Афины. Вот гора Пентеликон, а перед ней – акрополь. И Длинные стены, построенные Периклом между Афинами и Пиреем. Если между ними пройти, попадешь прямо на афинский рынок – агору!⁹

Девушки подняли крик и плач, уверенные, что их прямо сейчас увезут на агору и продадут в рабство, но ничуть не

⁹ Агора – обычное место городских собраний в городах Эллады; в базарные дни туда собирались торговцы.

бывало – их так и оставили в Пирее.

Надолго? Может быть, навсегда?

Думать об этом было очень страшно, и Тимандра тихонько запела себе под нос, глядя на корабли, стоящие у причала:

– О легконогая дева,
Твой танец угоден богине!
Но все же проворней кружись,
Быстрее беги,
А то не догонишь того,
Кого ловит твой взгляд!

Но кружись не кружись,
Беги не беги,
Все равно ты его не догонишь...

Грузчики бегали по сходням туда-сюда, сгибаясь под тяжестью мешков и узлов.

Море плескалось и билось в стены галер. При виде зеленых тугих волн Тимандру замутило. Еще бы... сколько времени она ничего не видела, кроме этих волн! Плаванию, казалось, не будет конца. Сначала почти всю скудную еду, которую ей давали, она извергала в эти волны, и лишь дня за два до прихода в порт немного привыкла к качке, набралась сил и благодаря этому теперь держалась на ногах. И все же на волны смотреть было противно.

Она отвернулась, подавляя тошноту.

– Ты хорошо поёшь, девчонка, – раздался негромкий низкий голос рядом.

Тимандра вскочила, испуганная, что к ней незаметно подкралась Фирио- помощница порнобососа, хозяина порниона.¹⁰ Фирио вполне соответствовала своему прозвищу, которое означало Зверюга. Хотя она без вопросов пустила бы в ход плетку. А перед Тимандрой стояла незнакомая женщина – полная, высокая, хорошо одетая. Она очень напоминала почтенную горожанку, вот только пышный, завитой белый парик ни одна почтенная горожанка не надела бы...

И в то же время это не порна, сразу видно. И старовата для этого промысла, и одета в скромный зеленоватый гиматий, из-под которого виднелся хитон¹¹ такого же цвета.

За те два-три дня, которые Тимандра провела в Пирее, который считался портовыми воротами Афин, она уже кое-чему научилась. Во всяком случае, отличать с первого взгляда диктериад¹² от приличных женщин. Тимандра уже знала,

¹⁰ Порнион – притон, бордель (*греч.*).

¹¹ Хитон – одеяние мужчин и женщин в Древней Греции, как правило, исполнявшее роль нижнего белья. Появиться на люди в одном хитоне могли позволить себе только бедняки, рабы или проститутки. Зажиточные, приличные люди могли остаться в хитоне только в кругу самых близких, а вообще считали неприличным ходить без верхней одежды – гиматия.

¹² Так в описываемое время назывались проститутки, обслуживающие клиентов в диктерионах – портовых притонах, разрешенных и поддерживаемых государством. Инициатива создания таких публичных домов принадлежала Солону, правившему в Афинах между 640 и 635 до н. э., то есть приблизительно за 200 лет до описываемых событий.

что диктериадам не дозволялись однотонные одеяния. Девушки должна были носить пестрые, яркие хитоны и красить волосы в яркий желтый цвет. О том, что для этого используется шафран, Тимандра услышала чуть ли не в первую очередь. Однако это средство годилось лишь для светловолосых девушек. Тимандре, с ее черными волосами, которые не взяла бы никакой шафран, предписано было купить белокурый парик с первого же заработка. Однако, судя по всему, этого заработка ей придется ждать долго...

А впрочем, правила одевания следовало соблюдать, если только диктериада выходила в город. У себя же в порнионе девушки ходили голышом: и все прелести на виду, и не придется тратить время на раздевание, если тебя выберет гость. Парики тоже можно было не надевать: все равно придется снимать, когда отправишься в каморку ублажать мужчину, который придет сюда, заведя еще издалека огромный красный приап¹³ на вывеске у входа в диктериаон!

Вот и сейчас Тимандра вышла на улицу почти голая. Во всяком случае, от некогда белого и просторного одеяния Аитона, которое девушка прихватила, когда панически бежала из храма, остался только небольшой лоскут. Остальное Тимандра раздала другим девушкам, на которых не было и клочка ткани, которой можно было прикрыть наготу и хоть немножко уберечь себя от свежего морского ветра.

Нет, она не хочет об этом вспоминать!

¹³ Иногда так называли фаллос.

Тимандра резко мотнула головой и уставилась на незнакомку, которая придирчиво ее разглядывала.

– А танцуешь ты и того лучше, – продолжала женщина. – Здесь никто так не умеет. Ни среди прежних девушек, ни среди новеньких. Я за тобой уже не первый раз наблюдаю! Наверное, тебя обучали петь и танцевать в каком-нибудь храме?

Тимандра отвела глаза:

– В храме? Никто меня не обучал! С чего ты это взяла?

– Я видела довольно много храмовых танцовщиц, – пояснила женщина. – Их танцы изысканны и благородны – в отличие от плясок всех этих неуклюжих девок, которые просто-напросто трясут своими телесами, лишь бы приманить мужчину. Но тот человек, с которым я хотела бы тебя свести, любит изящные танцы, и красивые песни он тоже любит.

– Что-то я никак в толк не возьму, о чем ты говоришь? – нахмурилась Тимандра. – Кто ты? О каком мужчине идет речь?!

– Меня зовут Родоклея, – важно сказала женщина. – Я – сводня! Причем лучшая в Пирее! Знаешь, кто такая сводня?

Тимандра простодушно покачала головой.

– Ах ты деревенщина! – уничтожающе протянула Родоклея. – Не знать самых главных в жизни вещей! Где ты только жила?! Ну ладно, слушай. Я устраиваю девушкам встречи с богатыми мужчинами, чтобы им не приходилось отдаваться кому попало, получая за это сухую ерунду. Мой знакомый –

его зовут Атамус – истинный ценитель красоты и искусства. Он готов озолотить девушку, умелую в служении музам. Говорят, половину своего состояния он спустил на аулетрид¹⁴ и танцовщиц в Афинах.

– А вторую половину решил просадить в Пирее? – усмехнулась Тимандра.

– Ух ты, а язычок у тебя остер! – засмеялась и Родоклея. – Это прибавит тебе привлекательности. Но ты ошибаешься. Наоборот, Атамус преумножит здесь свое богатство! Со дня на день должен придти его корабль с грузом – Атамус ждет его, чтобы сразу отправить свое имущество в Афины, а уж оттуда – в Мегару. Но и хочет немного поразвлечься.

– А, так он из Мегары... – разочарованно протянула Тимандра. – Тогда он вряд ли меня озолотит. Мегарцы скупы и прижимисты.

– А ты откуда знаешь? – вскинула брови Родоклея. – У тебя что, было много мегарцев? Да вообще, какие у тебя были мужчины? Я ни с кем тебя еще не сводила. Может быть, ты в своем диктерионе нарасхват? Может быть, на тебя оболы¹⁵ так и сыплются? Тогда почему завернута в эту тряпку,

¹⁴ Это слово происходит от аулос (или авлос) – флейта. Аулетридами в Элладе называли девушек, играющих на симпозиях – пирах – на флейтах, а также учениц школы гетер в Коринфе, потому что одной из основных их дисциплин было обучение играть на аулосе.

¹⁵ Самой крупной денежной единицей описываемого времени был талант, включавший шестьдесят мин. Одна мина составляла сто драхм, одна драхма – шесть оболов, один обол – шесть халков, один халк – две лепты. Обычная цена

а не приоделась, как положено, и не прикрыла париком это воронье гнездо?

Родоклея презрительно указала пальцем на ворох черных, слегка отдающих темной рыжиной и поэтому золотящихся на солнце, мелко выющихся волос Тимандры.

Тимандра поспешно собрала их и кое-как закрутила узлом на затылке.

– Про мегарцев мне рассказали другие девушки, – пояснила она. – Я пока еще живу чужим опытом. Да и здесь меня пока еще не выбрали ни разу. Порнобосос ворчит, что выгонит меня вон, а Фирио грозит засечь до смерти, а потом утопить в бухте... Но что делать, если у вообще не было мужчин, и я их ужасно боюсь? Я отвожу глаза и прячусь за спинами других девушек...

– Только не говори мне, что ты до сих пор не развязала свой пояс! – всплеснула руками Родоклея. – Даже с ловцами?! Ты – девушка?! А почему?! Ах да! Ловцы тебя не трогали, понимаю... Не забыли, что недавно с одним кораблем из Финикии привезли нескольких девок, которые еще в пути заразили команду ужасной гадостью. Эти бедолаги устали изливать мочу и семя за борт! Лекарь назвал эту хворь бленорагией.¹⁶ Кстати, тебя уже осматривал лекарь? Ты здоро-

дешевой проститутки составляла обол.

¹⁶ Бленорагия – старинное греческое название гонореи. Болезнь эта с незапамятных времен была известна очень многим народам. В частности, сохранились древнеиндийские, древнееврейские, древнегреческие ее описания, а также перечисление средств, излечивающих ее.

ва? Нигде эту заразу не подцепила?

– Сама посуди, как я могла заразиться, если не знала мужчины? – пожала плечами Тимандра. – Но при этом я не де-вушка.

– Так-так... – ухмыльнулась Родоклея. – Догадываюсь... Наверное, твоим первым любовником был священный фаллос? Слышала я о таких обрядах! Они ужасно глупы, по-мо-ему. Что может быть лучше хорошего мужского фаллоса?! Однако такие обряды ведутся и тут, и там. Например, мне рассказывали, будто в школе гетер в Коринфе девственниц, которые хотят там обучаться, лишают невинности обычной палкой – в знак презрения за то, что слишком уж блюли себя и не доставили радости ни себе, ни мужчинам.

– Школа гетер? – недоверчиво повторила Тимандра. – А что это такое?

– О, это место, о котором мечтает всякая диктериада. Гетеры – это аристократки среди вашей сестры, порны. Они вертят мужчинами так же, как мужчины вертят вами, уличными девками. Тянут из поклонников и любовников денежки и живут припеваючи. Так вот в этой школе – говорят, ее лет триста, а то и больше назад открыла какая-то Никарета,¹⁷ а вдохновила ее на это сама Афродита, – девок обучают всяким премудростям. Там и поют, и танцуют – может быть, даже лучше, чем ты! – там читают стихи, там украшают се-

¹⁷ О судьбе Никареты, основательницы Коринфской школы гетер, можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Святилище любви».

бя, учатся красиво одеваться, а уж лоном своим владеют так, что мужчины с ума сходят и просаживают на гетер все свои деньги.

– Школа гетер... – повторила Тимандра с восторгом. – хоч в эту школу! Как туда попасть?

– Ну, деточка, размечталась ты напрасно! – хохотнула Родоклея. – Туда не всякая может поступить. Нужен немалый денежный взнос, а главное – рекомендательное письмо от двух уважаемых любовников. Такие письма, небось, потрудней раздобыть, чем довольное количество денег накопить! В школу гетер, думаю, может попасть только одна из тысячи обычных шлюх. Так что лучше сразу выкинь из своей головы эти глупые мечтания и подумай о том, как бы понравиться моему знакомому мегарцу! Жить надо сегодняшним днем, а не мечтами о будущем или воспоминаниями о прошлом, ты уж мне поверь, я знаю, что говорю! Кстати, как тебя зовут?

Тимандра отвела глаза. Между ней и прошлой жизнью – неизмеримо широкое море. Зеленое и соленое! Да еще и ее слезы прибавили ему соли... Так зачем призывать из-за моря призраков былого? Пусть останутся на том берегу. И Сардор пусть останется там!

Она вздрогнула при воспоминании о ненависти, которой горели его глаза, о его голосе, выкрикнувшем: «Я убью тебя!»

Конечно, Сардор может оказаться в Афинах только волею

недобрых богов... Но вдруг будет на то их воля?

Нет, нельзя оставлять ни единого следа из той, другой жизни!

– Меня зовут... Идомена.

Это было имя ее матери. То самой, которой Тимандра никогда не видела. Идомена умерла, когда ей не было и шестнадцати лет. Тимандре тоже идет шестнадцатый. Пусть же Тимандра умрет, а Идомена возродится!

– А ты не врешь? – подозрительно сузила глаза Родоклея. – Смотри, если будешь со мной лукавить, отдам богатенького мегарца другой!

– Делай что хочешь, – пожала плечами Идомена. – Может быть, он мне не по вкусу придется!

Родоклея уставилась на нее, как на безумную:

– Милашка, да ты что несешь-то? Не понимаешь, как тебе повезло, что я услышала твой сладкий голосок и обратила на тебя внимание?! Разве ты не понимаешь, куда попала?! Это диктерион – место, куда мужчины сливают свою похоть. Сточная канава! Тут, девушка, твое дело – ноги раздвигать. И столько раз, сколько мужчин тебя выберет. И это только кажется, что чем чаще – тем лучше, тем богаче ты становишься. На самом деле хозяин и паразиты ¹⁸ почти всю твою выручку заберут...

– Паразиты? – переспросила Идомена. – Это еще кто?!

¹⁸ В Древней Греции слово «парасито» обозначало сначала любителя питаться по чужим домам, а потом любовника проститутки, живущего за ее счет.

– Это красавчики, которые непременно присасываются, словно устрицы к камню, к каждой порне, чуть только она начнет неплохо зарабатывать. Сладкими речами они морочат дурочкам головы и вытягивают у них денежки. Дурь-девчонки влюбляются в них и...

Родоклея, не договорив, вдруг резко повернулась – и, по добрав подол, кинулась по улице, опасливо оглядываясь и заискивающе улыбаясь.

Идомена хлопала глазами, не в силах понять, чего так испугалась добродушная сводня, но кто-то так тяжело положил ей руку на плечо, что она даже присела.

Приземистый бритоголовый мужчина грозно смотрел на нее. Он был облачен в роскошный пурпурный гиматий с за-тейливым узором по подолу. Впрочем, полы его хитона дав-но утратили белизну и замызгались грязью.

Однако Идомене таких мелочей не замечала: его одеяние казалось ей верхом роскоши. Ведь это был порнобосос, хо-зяин диктериона. Человек, равный, по мнению Идомены, по меньшей мере Зевсу!

Звали его Бакчос,¹⁹ и это имя ему очень подходило, по-тому что еще не одного слова, произнесенного ровным голо-сом, Идомена от него не слышала. Бакчос все время орал, кричал и бранился!

– Ты что здесь делаешь? – рявкнул он. – Сбежать к этой твари решила? Ну, сначала хорошенько подумай. За такие

¹⁹ Крикун (*греч.*).

шуточки тебя Фирио насмерть засечет и выбросит твое окровавленное мясо на свалку, на поживу бродячим псам.

Идомены со страху покачнулась и пролепетала:

– За что? Что же я сделала?!

– От сводни подальше держись! – погрозил кулаком Бакнос. – Эту суку я надо гнать отсюда плетью! Ишь, зачастила – сманивать у меня девчонок! Ты – вещь полиса, за тебя заплатили деньги ловцам-мореходам. И ты должна эти деньги отработать. Вот выплатишь все, чего стоила полису, потом вернешь должок мне – за то, что кормлю тебя, пока ты ничего не зарабатываешь, затем возместишь пеню за тот ущерб, который я понесу, когда ты уйдешь из диктериона. И только тогда станешь свободной.

Идомена взглянула на него с отчаянием. Сколько же времени пройдет, пока она выполнит все эти условия?! Сейчас она живет в долг, и этот долг постоянно растет...

– Господин, молю вас, отпустите меня из диктериона! – вскричала девушка. – Вы же видите, я никому не нравлюсь. Меня не выбирают гости. Но я могу наняться кому-нибудь в служанки. Или пойду в прачки... А может быть, прибьюсь к какому-нибудь храму, где буду петь и танцевать. И чуть только у меня заведутся какие-нибудь деньги, я отдам вам долг.

Хозяин вытаращил глаза:

– В жизни ничего подобного не слышал! Чтобы женщина искала работу?! Чтобы девка зарабатывала чем-то иным, а

не передком?! Откуда ты взялась такая?! Из каких краев? Неужели там, у вас, женщины и впрямь сами зарабатывают своим трудом?! Откуда тебя привезли? А ну, говори?

Идомена прикусила язык. Она и в самом деле не слышала на Крите о том, чтобы женщины работали и получали деньги. Все жили за счет своих мужей или при храмах. Мысль о работе Идомене только сейчас в голову пришла. Да уж лучше бы не приходило – вон как разозлился хозяин!

– Да кто тебя в служанки возьмет? – неистовствовал он. – У всякой госпожи для этого есть свои рабыни.

– У меня нет рабыни, господин, – послышался хриплый женский голос, при звуке которого у Идомены подогнулись ноги от ужаса. – И если ты отдашь мне эту девку, я выплачу весь ее долг.

Фирио! Огромная, широкоплечая, мужеподобная, в черном хитоне, в жгуче-черном парике. Стоит, поигрывая плетью и не сводя узких глаз с Тимандры.

Попасть к ней в услужение?! Да она же убьет за малейшую провинность! Плетка извивается в ее руках, словно верткая черная змейка. Вот-вот ужалит Идомену!

– Что, Фирио, свежатинки захотелось? – оглушительно захохотал Бакчос. – Ладно, все равно в ремесле с нее толку не будет, я это сразу понял, а у меня взгляд наметанный. К тому же, она явно не в своем уме: стоит только послушать, что несет про работу и оплату! Бери ее. Только денежки вперед! Слышишь? За прошлую девку ты мне заплатила, только ко-

гда я пригрозил намекнуть стражникам, кто эту бедняжку сунул в сточную канаву и забыл вытащить. Поэтому прямо сейчас носи монеты, а потом забирай эту дурочку и забавляйся с ней, как хочешь.

– Хорошо, Бакчос, – довольно протянула Фирио, которая все это время не сводила с Идомены прищуренных глаз, и взгляд их резал девушку, словно наостренное лезвие. – Сейчас я сбегая за деньгами, а ты малышку постереги, чтобы не вздумала бежать. погоди, давай вот так поступим.

Фирио проворно развязала пояс, которым была перехвачена ее квадратная фигура, и, обмотав одну руку Идомены так проворно, что девушка даже вырваться не успела, другой конец веревки завязала вокруг запястья хозяина.

И, издав утробный смешок, она исчезла, а черный распоясанный хитон развевался за спиной, словно черные крылья злобы, которые унесли Фирио.

– Ты куда?! – заорал Бакчос, но Фирио и след простыл. – И сколько мне тут стоять прикажешь?! Неужто мне делать нечего?!

Идомена, онемевшая было от ужаса, наконец-то обрела дар речи:

– Господин, я не хочу быть рабыней Фирио! Она убьет меня!

– Может, и убьет, – равнодушно кивнул Бакчос, – а может, и поживешь еще, если будешь ее хорошенько ублажать и даже одним глазком в сторону не покосишься. Фирио – она

баба для баб, но ревнивей любого мужика. Чуть на другую засмотришься – вышибет мозги!

– Баба для баб? – похолодевшими губами повторила Идомена. – Что это значит?

– Ох и тупая же ты! – покачал головой Бакчос. – Из какой дыры тебя вытащили ловцы-мореходы?!

Идомена только вздохнула, отдавая дань тягостным воспоминаниям о глупости бедняжки Тимандры. Никто ее ниоткуда не вытаскивал. Она сама далась им в руки, этим ловцам... На все готова была, только бы сбежать с Крита. Целый остров казался ей недостаточно просторным, чтобы найти на нем убежище от Сардора, – настолько она была напугана этим служителем Молоха!

И вот куда попала...

Убежав из селения, Тимандра пряталась в пещерке на вершине небольшой горы на побережье, ломая голову, что же делать дальше. И вдруг она услышала плеск весел, а потом голоса.

Осторожно выглянула.

У самого берега стояла галера; несколько мореходов со связками больших тыквенных бутылей брели по мелководью – набрать пресной воды из ручья, шумевшего между скал.

Тимандра встрепенулась. Может быть, эти люди смилуются и увезут ее с Крита? Куда может направляться галера? Хорошо, если бы она шла на Наксос... По слухам, на

этом острове по-прежнему процветает культ Великой Богини. Ведь именно там Тезей покинул Ариадну – потому что во сне ему явился Дионис, который пожелал, чтобы богиня-на-земле стала его супругой. Наксос никогда не променяет древнюю веру ни на эллинских богов, ни, тем более, на ужасного бронзового Молоха. Маленькая танцовщица из критского храма может найти там пристанище!

А главное, Наксос далеко от Крита, там-то Сардор ее уж точно не настигнет!

Тимандра решилась заговорить с мореходами. При виде ее они так и вытаращили глаза, а потом начали как-то странно переглядываться и перемигиваться. Тимандра насторожилась: уж не собираются ли эти бродяги наброситься на нее всем скопом и изнасиловать? Впрочем, она не слишком беспокоилась, не сомневаясь, что успеет убежать и скрыться в одной из многочисленных пещер. Однако стоило ей заговорить о том, что ей нужно попасть на Наксос, как мореходы сообщили, что держат путь именно туда – и охотно возьмут с собой Тимандру.

Разумеется, не даром. Она должна оплатить дорогу.

Тимандра задумалась. У нее не было ни халка, зато была золотая шпилька Великой Богини. Одну такую шпильку из волос Тимандры выдернула жрица, другая так и оставалась в туго закрученной косе, пока Тимандра не спохватилась и не вытащила ее. Правда, девушка не знала, достаточная ли это цена для того, чтобы добраться до Наксосу.

Тимандра, конечно, немного опасалась, что Великая Богиня разгневется на нее за то, что она торгует священной храмовой реликвией, но надеялась умиловить владычицу, когда будет служить в ее храме на Наксосу.

При виде шпильки мореходы пришли в восторг и успокоили Тимандру, что этой драгоценности более чем достаточно, чтобы заплатить за дорогу. И вообще, капетаниос, конечно, вернет ей часть денег. Так что она должна как можно скорее отправиться на судно, прихватив свои вещи.

Тимандра смущенно призналась, что у нее ничего нет, и даже еды на дорогу не запасено. Те два дня, что она пряталась на берегу в ожидании удачи, она собирала крабов, которых в изобилии оставлял между камнями прилив, и ела их нежное, вкусное мясо, однако его никак не запасешь впрок, на жару оно мигом испортится... Мореходы добродушно уверили ее, что и тут беспокоиться не о чем: на галере вдоволь еды, а запас воды они сейчас пополняют.

И после этого доверчивая птичка сама полетела в западню...

Взобравшись по веревочной лестнице на борт галеры, Тимандра оглянулась. Ей еще не верилось, что она покидает Крит и сейчас навсегда прощается с прошлым. Что ждет ее впереди?

Через миг она узнала, что ждет ее трюм, куда ее тотчас затолкали мигом утратившие всякое добродушие мореходы. В трюме оказалось еще девятнадцать молоденьких девушек

– настолько измученных морской болезнью, что они лежали пластом и почти не в силах были говорить.

Их захватили на побережье Тринакрии ²⁰ афинские ловцы-мореходы. Так назывались команды кораблей, которые отправлялись то на Тринакрию, то в Финикию, чтобы привезти новых девок для афинских и пирейских диктерионов, по-прежнему, как и во времена Солона, благословляемых государством. Что и говорить, за два столетия промысел ловцов-мореходов перестал быть таким прибыльным, как в былые времена, однако они по-прежнему получали недурную плату за иноземных красавиц, которые и внешне отличались от дебелых и медлительных афинянок, и были – самое главное! – куда темпераментней. Черноглазые вертлявые финикиянки очень нравились неистовым эллинам, а потому ценились дороже всех, хотя и тринакрийские девушки пользовались большим спросом.

Однако ловцы-мореходы слишком уж по-свойски обращались со своим товаром! Девушкам приходилось в пути служить подстилками для всей команды, и порой их привозили в Пирей совершенно замученными и мало к чему пригодными в дальнейшем. Кое-кто не выдерживал пути, а многие оказывались беременными. К делу приступали повивальные бабки, которых было в Пирее почти так же много, как портовых шлюх, но после их поспешных, грубых экстре-

²⁰ Древнее эллинское название Сицилии, омываемой тремя морями и формой напоминающей треугольник.

си ²¹ мало кто выживал.

В конце концов афинское правительство спохватилось, что выбрасывает немало денег впустую. И для ловцов-мореходов были установлены новые – и непреложные! – правила. Теперь им платили деньги не за каждую девку поштучно, а за деки, то есть десятки. Кроме того, мореходам запрещалось портить груз, чтобы сберечь девственниц: за них порнобососы готовы были драться, ибо они ценились несравненно дороже! Ну и страх подцепить бленорагию, которую в обиходе часто называли «финикийской заразой», тоже немало отпугивала ловцов-мореходов. Тринакрийские девки были почище и поздоровей финикийских, однако капетаниосы ценили свои деньги куда дороже, чем минутная прихоть мореходов, поэтому тринакриек тоже не трогали.

Плата устанавливалась очень хитро: только за целую деку. Одиннадцать девушек или девятнадцать стоили одинаково – так же, как десять. За двадцать можно было выручить в два раза больше, поэтому мореходы норовили привезти именно столько. С тридцатью в трюме не протолкнешься, половина груза в пути перемрет от духоты и недоедания. А двадцать – в самый раз! Правда, существовал риск, что какая-нибудь девушка все же умрет в пути. Поэтому, как правило, мореходы норовили прихватить еще одну пленницу – про запас.

Именно двадцать одну молодую красотку захватили на Тринакрии, да вот беда – две девушки погибли в пути, не

²¹ Аборт (греч.).

выдержав тоски плена и страшных мыслей о будущем. Так что теперь мореходы везли в Пирей всего лишь девятнадцать пленниц и очень боялись выручить ничтожные деньги. Конечно, они не теряли надежды подобрать случайную глупышку на каком-нибудь острове по пути... И вот на Крите им попалась именно такая! Мало того, что сама в руки далась, да еще свой проезд оплатила!

Когда на галеру привели Тимандру, обрадованный капетаниос принял решение идти напрямик до Пирея, не блуждая в Кикладах: ²² чутье морехода, да и поведение альбатросов предупреждало о близости сильного шторма, из-за которого можно или погубить судно, или задержаться в какой-нибудь тихой бухте. А задерживаться не хотелось – припасы на судне шли к концу...

Гребцы налегли на весла, одолевая ветер, а Тимандра в трюме оплакивала свою несчастливую судьбу. Девушки то рыдали, то спали, то ссорились или даже дрались. Тише всех вели себя две подруги, рядом с которыми нашла себе местечко в трюме Тимандра. Они целыми днями сидели в обнимку, или шептались, или напевали что-то себе под нос, или просто подремывали, однако не раз сладострастные стоны будили Тимандру по ночам, и она невольно наблюдала неистовые, бесстыдные ласки подруг, озаряемые светом плашки, качающейся под потолком. Именно тогда она узнала, что такое –

²² Киклады – архипелаг в южных водах Греции, к которому принадлежит и Наксос.

девушка для девушек.

Как-то раз ночью одна из подруг, заметив, что Тимандра наблюдает за их возней, жестом позвала ее присоединиться. Тимандра подскочила и бегом, наступая на руки и на ноги спящих пленниц, кинулась к противоположной стене каюты, где и провела остаток этой ночи – и следующую, оставшуюся до прибытия в Пирей...

Не зная мужских объятий, боясь их, Идомена все же испытывала отвращение и к женской любви. Даже на тех молоденьких и хорошеньких подруг ей было смотреть противно. Что же с ней станет, если ее прижмет к себе Фирио, начнет лапать, а потом прикажет целовать ее срамные губы?!

Идомена повалилась на колени, и Бакчос, поскольку их руки были связаны, вынужден был нагнуться к ней. Он дернулся, чтобы вырваться, но не смог, попытался выпрямиться, однако Идомена не хотела подниматься, а только кричала в голос:

– Отпустите меня, господин! Не отдавайте меня Фирио! Клянусь, я покончу с собой, если не умру от отвращения и стыда!

– Да что мне до этого?! – рявкнул Бакчос, дергаясь с такой силой, словно хотел оторвать руку или Идомене, или себе, только бы освободиться. – Но ты должна мне и Афинам почти тридцать оболов, а за эти деньги я тебя не только Фирио продам, но и всякому, кто заплатит!

– Ну так продай ее мне, если тебе все равно, – послышался насмешливый голос, и Идомена с Бакчосом разом вздрогнули и повернули головы.

Перед ними стоял мужчина, который показался обоим необычайно высоким. Бакчос едва доставал ему до плеча, а Идомена была и того меньше. Он был одет в белое, словно жрец, однако затейливый узор на его гимантии сразу выдавал человека состоятельного и далекого от храмовых служб. Вдобавок, гимантий не достигал середины икр, как предписывалось правилами приличия, а волочился по земле. Даже Идомена знала, что это считается признаком заносчивости и расточительства, а потому осуждается большинством людей!

Однако сразу было видно, что этому человеку наплевать на «большинство людей», их мнения и выдуманные ими правила. Голова его была вскинута с вызывающим высокомерием, и казалось, что даже на тех, кто выше его ростом, он умудрится смотреть сверху вниз! Выющиеся волосы его лежали небрежными волнами, однако за такую небрежность многие афинские щеголи готовы были дорого заплатить мастеру причесок и завивок!

Бакчос, навидавшийся богатых и знатных людей, сразу понял, что перед ним – один из самых богатых и знатных. Идомена же взирала на незнакомца, словно на божество, сошедшее с Олимпа.

– Ты говорил о тридцати оболлах? – проговорило божество. – Эй, Ксантос! Заплати ему, и пусть освободит девчон-

ку. Мне она, конечно, и даром не нужна, однако терпеть не могу, когда измываются над беззащитными женщинами!

Из-за спины божества выступил плотно сбитый, крепкий человек, у которого через плечо висел немалый кошель, как водилось у казначеев богатых граждан. То, что он был одет в плотный короткий хитон, доказывало, что это раб, а не свободный слуга, однако сразу было видно, что ткань этого хитона отличного качества и дорогая, а хламиде его позавидовал бы и свободный гражданин. За широкий пояс казначея был заткнут кинжал в искусно выделанных кожаных ножнах. Раб готов был прикончить всякого, кто покусился бы на деньги хозяина!

Лицо у него было суровым и нахмуренным, а рот казался слишком узким – так крепко и явно неодобрительно были стиснуты его губы.

– Как прикажешь, господин, – с трудом разомкнув их, проскрипел казначей, однако не спеша развязывать кошель. – Но ведь ты видишь, что этот ничтожный порнобосос нагло врет, желая поживиться за счет вашей безмерной доброты? Портовая шлюшка со всеми своими долгами стоит раза в два, а то и в три раза дешевле! Да и следует ли тратить твое богатство на эту немытую нищую бродяжку?! Не лучше ли сделать щедрое пожертвование в храм Афродиты Пирейской, покровительницы мореплавателей и странников? Ты сейчас как раз собираешь в путешествие на Мелос, тебе не мешает ее помощь!

– Успокойся, Ксантос, – улыбнулся его хозяин. Он слегка картавил, однако этот недостаток, который обычно вызывает насмешки, придавал его речи особое очарование. – И умерь хотя бы немного свою страсть беречь мое богатство! Его хватит и на мой век, и на век моих детей, если я когда-нибудь обзаведусь ими. А что до этой девчонки... Если ее отмыть и приодеть, она окажется хорошей служительницей Афродиты, ты уж мне поверь, я кое-что в этом понимаю. Так что богиня на нас не обидится. Слышишь, малышка? Как твое имя?

– Ти... – начала было девушка, но тут же спохватилась: – Идомена, господин мой, мое имя – Идомена.

– Прекрасное старинное критское имя, – кивнул незнакомец. – Да, ты в самом деле похожа на критянку. Тогда ты должна лелеять свою красоту так же, как лелеяли ее прекрасные критянки времен Ариадны и Федры.²³ Твои волосы должны быть надушенными и завитыми, а не болтаться свалывшимися прядями. Их надо украшать сверкающими гребнями, в ушах следует носить блестящие подвески, а на этой тоненькой шейке будут прекрасно смотреться тяжелые ожерелья из чеканных золотых звеньев. Ну и, само собой, тебе нужны красивые наряды. А главное, чистые и благоухающие! Ты и сейчас прелестна, а если твоей прелести дать подобающую оправу, от тебя вообще глаз будет невозможно отвести. Я бы с удовольствием тобой занялся и потратил на те-

²³ Федра – сестра Ариадны, впоследствии – жена Тезея.

бя гораздо больше, чем эти несчастные пять драхм, однако, как ты могла услышать, я должен отправиться в путь, а задержаться никак не могу, но ты дай мне слово, что, если боги еще раз нас сведут, ты предстанешь передо мной совсем в другом обличье. Найди себе покровителя, да побогаче. С такими глазами, как у тебя, это не составит труда, поверь. Знаешь ли ты, что они похожи на двух голубок – прелестных черных голубок? А твои губы...

С этими словами он коснулся двумя пальцами подбородка Идомены, и та прерывисто вздохнула, почувствовав дивный аромат, исходящий от этих пальцев. Пахло легкой смолкой – именно так пахнут весной крошечные, еще мягкие, самую чуточку липкие шишечки кедра, который растет на Крите – не на побережье, нет, к морю он не спускается, – а чуть повыше, на горных склонах, нисходя в каменистые долины. Мелкие шишечки собирают, делают из них целебное масло и душистую эссенцию, которую очень любят критские щеголи. Значит, ее любят и богатые эллины!

– Твои губы... – вновь прошелестел шепот, от которого у Идомены замерло сердце.

– Господин! – обеспокоенно прошипел Ксантос, и душистые пальцы в последний раз ласково стиснули дрожащий подбородок Идомены, а когда взгляд красавца оторвался от ее глаз, и она вдруг почувствовала себя одинокой и покинутой.

– Ну, мне и в самом деле пора, – усмехнулся он, выпрям-

ляясь, и в глаза Идомене бросилась большая карфита,²⁴ придерживавшая край гимантия на его груди. На ней с необычайной четкостью и редкостным искусством был изображен крылатый Эрос с мечом.

Тем временем незнакомец снова велел слуге:

– Достань деньги, Ксантос! И твой нож наконец-то пригодится, чтобы перерезать эту грязную тряпку и освободить девочку.

Ксантос послушно выхватил нож и чиркнул по поясу Фирио. Движение было таким резким, что Бакчос упал на колени. Ну что же, зато в такой позе было куда удобнее собирать монеты, которые Ксантос горстями сыпал из сумки, с непостижимой быстротой пропуская их между пальцами и шевеля губами – считая.

Идомена уставилась на него, потом перевела глаза на Бакчоса, который ползал на коленях, собирая вожаделенные оболы, – и расхохоталась.

Она поняла, что Ксантос нарочно швырял Бакчосу оболы – более мелкую монету, – а не отсчитал пять увесистых драхм. Ксантос хотел унижить порнобососа.

Идомена пришла в восторг!

Она повернулась, чтобы поблагодарить своего спасителя, – да так и ахнула, не увидев его. Божество словно вознес-

²⁴ В античные времена обычно носили одежду без швов, которая скреплялась на груди или на плечах застежками. Они могли быть самыми простыми, но могли стоять целое состояние и поражали ювелирным искусством. Греки называли такую застежку карфитой. Римляне – фибулой.

лось на Олимп, с которого изволило снизойти на несколько счастливых мгновений!

Хотя нет: Идомена чутким ухом уловила удаляющиеся шаги в улочке, ведущей к морю, кинулась туда – и еле успела увидеть удаляющуюся фигуру в развевающихся одеждах. Ее спаситель двигался с беспечной грацией, высоко держа голову, весело и равнодушно поглядывая вокруг, и Идомена вдруг догадалась, что божество, которое только что обворовало ее словами, взглядами, улыбками и всем восхитительным благоуханием своей красоты и своего великодушия, уже забыло о ней! Этот необыкновенный человек уходит – и она больше никогда, никогда не увидит его!

В отчаянии Идомена рванулась вслед – и внезапно наткнулась на Ксантоса, который внезапно выступил из-за угла... похоже, он подкарауливал там девушку!

Одной рукой Ксантос схватил Идомену за тонкие запястья и без особого усилия приподнял над землей.

– Эй, девка, – тихо проговорил он, словно бы с неохотой выталкивая слова из своего узкого рта, – вот что я тебе скажу. Я так и знал, что ты развесила уши, слушая эти сладкие речи. Но господин мой Алкивиад, сын Клиния Евпатрида, рожден для того, чтобы сводить людей с ума: что мужчин, что женщин, – и, если бы меня не было рядом, толпы этих влюбленных в него безумцев изорвали бы на клочки его хламиду, и гиматий, и хитон. Не зря говорят, что в юности Алкивиад отнимал у жен мужей, а когда вырос, отнимает у му-

жей жен! Но я рожден для того, чтобы оберегать господина моего Алкивиада от назойливых поклонников и поклонниц, а самое главное – от грязных потаскух вроде тебя.

Вслед за этим Ксантос снова вытащил нож и поднес его к горлу Идомены, которая по-прежнему болталась над землей.

Задумчиво спросил:

– Ну что, перерезать тебе горло, или ты предпочитаешь, чтобы я воткнул этот нож тебе в сердце?

Девушка таращилась на него, не в силах вымолвить и слова, но в это мгновение звучный, очаровательно картавящий голос пронесся над переулком:

– Ксантос! Куда ты запропастился?

– Иду, господин мой! – закричал слуга и разжал руку.

Каким-то чудом Идомена удержалась на ногах и не распростерлась в пыли у ног Ксантоса.

– Господин мой Алкивиад снова спасает тебя, – криво ухмыльнулся он своим крепко стиснутым ртом. – Твое счастье! Живи!

И исчез в тех же проулках, где скрылся его хозяин.

– Алкивиад... – прошептала Идомена, и ей почудилось, что каждый звук этого имени ласкает ее губы, подобно пьянящему медовому напитку, а прекрасное, высокомерное – и в то же время такое доброе, такое ласковое лицо снова возникло перед глазами.

– Алкивиад! – повторила она, зажмурившись от неопишемого восторга, который пронзил ее сердце, словно острие

меча.

О да, да!.. Эрос с мечом был отчеканен на карфите Алкивиада. Обычно Эроса изображают со стрелой, однако знающие люди говорят, что стрелу эту можно со временем выдержать, а рану – залечить. Однако меч поражает сердце смертельной любовью, и эту рану уже никто и никогда не исцелит. Не зря Ксантос говорил о толпах безумцев, обожающих Алкивиада. Теперь и Идомена присоединилась к этому сонмищу. Сердце ее кровоточило, но кровоточило блаженством первой – и вечной, она это знала наверняка, словно Афродита нашептала ей! – любви.

– Алкивиад, Алкивиад, Алкивиад... О, какое имя, какое прекрасное имя!

– Что ты тут бормочешь всякие глупости, дурочка! – раздался рядом свистящий женский шепот. – Или впрямь спятила?! Чего замерла, как столб придорожный? Бежим!

Идомена открыла глаза и с трудом сообразила, что перед ней стоит никто иная, как Родоклея, и не просто так стоит, а дергает ее за руку, пытаясь сдвинуть с места.

– Очнись! – прошипела она. – Нет ничего более глупого для маленькой порны, чем замечтаться об этом блистательном любимчике богов! Он спас твою дурацкую жизнь не для того, чтобы тебя настигла Фирио, которая уже приближается. Бакчос не так глуп, чтобы ссориться с ней. Он и деньги этого богатенького красавчика присвоит, и с Фирио отступного возьмет. Так что бежим, если не хочешь превратиться

в игрушку этой гнусной твари! Давай руку и следуй за мной!

Ужас нахлынул на Идомену. Ей уже чудилось за спиной зловонной дыханье Фирио. Она без раздумий протянула руку Родоклее – и сводня потащила ее прочь.

Афины, дом Мильтеада близ Мусейона ²⁵

– Ну и как тебе понравился Крит, друг мой Панталеон? – спросил симпосиарх ²⁶ Мильтеад, сын Павсания, поворачиваясь на своем апоклинтре ²⁷ и делая знак хорошенькой аулетриде наполнить чашу гостя.

На самом деле Пантолеон, сын Пантия Омира, вовсе не был другом Мильтеаду, однако обычай требовал чествовать

²⁵ Мусейон – Холм Муз, афинское предместье.

²⁶ Симпосиарх – хозяин симпосия, дружеской пирушки в описываемое время. Иногда гости собирались не для того, чтобы только попить-поесть: на симпосиях говорили об искусстве и обсуждали политические проблемы. Это было только мужское собрание, из женщин туда допускали только аулетрид и танцовщиц, с которыми гости могли поразвлечься. Частенько на симпосиях можно было найти не только любовницу, но и любовника, ибо среди виночерпиев бывали красивые юноши-проституты.

²⁷ Особое ложе для еды. В описываемое время на долгих пирах со многими переменах блюд, а именно такими были симпосии, ели, полулежа на особых сиденьях. Их название происходит от слова «апоклино» (разгибаю спину»). На апоклинатре полулежали, опираясь на левый бок, чтобы желудок, который находится слева, не давил на другие органы, переполняясь. Три апоклинтра ставили в виде буквы П, а внутри находились столики с едой. Вином гостей обносили виночерпии, рабы или аулетриды. В Афинах так называли флейтисток, а в Коринфе – еще и учениц школы гетер.

гостей симпозию – даже если кто-то из них тебе неприятен! – чтобы не уронить собственную честь. Рыжий, желтоглазый, сплошь усыпанный веснушками Панталеон был ему просто отвратителен. Мильтеаду не только потому, что он терпеть не мог рыжих, но, главное, потому, что Панталеон явился в его дом, чтобы напомнить о старинном долге отца Мильтеада. Он умер два года, и вдруг является этот человек с полустертой восковой табличкой, на которой значится заемная запись, и требует возврата пяти талантов, якобы взятых у него Павсанием Симусом Мильтеадом незадолго до кончины!

Немалая сумма! Хотя и не разорительная, но способная изрядно опустошить сундук кого угодно, а не только Мильтеада, который и так большую часть наследства отдал на покрытие долгов отца, который просаживал состояние на петушинных боях и на поездки в Коринф, где до самых последних дней предавался распутству с изощренными коринфскими гетерами. Там он и умер – в разгар пирушки. Панталеон же был известен, как завзятый путешественник. Где-то в странствиях он и познакомился со старшим Мильтеадом. И вот вам, пожалуйста, привез эту табличку...

А правдива запись или это ловкая подделка (на что только ни горазды мошенники, а рыжие, гласит молва, мошенники все как один!), известно только отцу, который теперь блуждает себе в полях асфodelей,²⁸ позабыв и родных, близких,

²⁸ Царство мертвых ассоциировалось у древних эллинов с полями, простира-

и вообще все на свете, не только какой-то там долг!

Если бы Панталеон пришел в обычное время, Мильтеад отправил бы его восвояси, однако он с расчетом явился во время симпосия: гость – особа священная.

К тому же, физиономия этого гостя имела самое склочное выражение, и Мильтеад побоялся, что, начни он выпроваживать наглеца, тот устроит такой скандал, который надолго опорочит и самого Мильтеада, и его покойного отца, память о котором надо было уважать.

Пришлось найти ему свободное место на апоклинтре и вести вежливую беседу. Хорошо хоть, что Панталеон много повидал во время своих путешествий, и ему было, что рассказать пирующим.

– Крит? Да его теперь почти не отличить от Спарты, – рассеянно ответил Панталеон, с большим вниманием изучая соски аулетриды, которая склонилась над его киликом ²⁹ и осторожно наливала туда вино из большого сосуда, наполненного заранее разбавленным в кратере вином.

Обычные гости внимательно следили за цветом вина – не переусердствовал ли симпосиарх, хозяин симпосия, разводя вино водой? Не слишком ли опасается походить на какого-нибудь скифа который хлещет вино неразбавленным? Конечно, скифы – сущие дикари, однако чем больше в вине

ющимися по берегам Стикса и заросшими асфоделями, аромат которых отнимал память о прошлом. Иногда царство мертвых называлось просто – поля забвения.

²⁹ Килик – плоская чаша для вина (*греч.*). Та чаша, которая по форме напоминала бокал, называлась канфар.

воды, тем больше оно напоминает воду... Но взгляд Панталеона так и впился в подкрашенные киноварью остренькие соски, и Мильтеад приметил, как хитон (на симпозиях гости совлекали с себя гиматии, чтобы не испачкать их едой или не залить вином) его приподнялся спереди.

«Простимо! ³⁰ – едва не воскликнул Мильтеад. – Теперь я знаю, как от него избавиться!»

Однако он сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжал внимательно слушать Панталеона, который, обрадовавшись вниманию хозяина, вещал, будто заправский омилитэс на агоре: ³¹

– Государство на Крите владеет частью земли, которую нельзя передавать по наследству, критяне обедают исключительно в общественных местах, причем постоянной компанией приятелей, а когда начинается военная заварушка, эти товарищества сотрапезников вместе отправляются в бой. У них есть общественные рабы – в точности как на Спарте! – только называются не илоты, а миоиты. Поговаривают, это потомки коренных жителей, минойцев, которых поработили эллины. Мальчишки учатся в агелах – таких же школах, как в Спарте, вот только содержит агелы не государство, а богатые критяне. Все выпускники обязаны жениться, и поскорей! Браки на Крите заключаются только внутри семьи, и

³⁰ Отлично, прекрасно! (*греч.*).

³¹ Омилитэс – краснословец, оратор (*греч.*).. Агора – рынок, а также место публичных выступлений в городах Эллады.

женщин там держат строго, очень строго. На Спарте-то своих жен предлагают гостям, особенно если нет детей или надо породу улучшить... — Тут Паталеон ухмыльнулся с особым самодовольным выражением, словно давая понять, что не раз улучшал критскую породу. Мильтеад даже бровью не повел, хотя всех рыжих считал уродами и ошибкой богов.

А Панталеон продолжал:

— После чистеньких, ухоженных критских бабенок мне на потертых афинских шлюх даже смотреть неохота. — Он презрительно покосился на аулетриду, которая так и застыла, нагнувшись над его плечом. — Ишь, лезет своими сосками прямо в мое вино! Думаешь, буду их облизывать? Нет уж, я брезглив, знаешь ли! Вот с замужней женщиной я бы переспал, да еще щедро заплатил бы за удовольствие.

С этими словами Панталеон оттолкнул девушку и отодвинул свой килик так резко, что вино выплеснулось на пол.

— А это богам! — ухмыльнулся Паталеон и сделал знак рабу: — Налей мне еще вина!

Мильтеад чувствовал изумленные взгляды своих гостей, которые не понимали, почему хозяин дома не остановит этого пришлого невежду. Фаллей, лучший друг Мильтеада, вообще еле сдерживался, однако Мильтеад продолжал пристально наблюдать за Панталеоном, усиленно шевеля мозгами и пытаясь найти выход: и честь дома соблюсти, и долга не отдавать.

Если бы Мильтеад был совершенно уверен, что отец и

впрямь взял деньги у Панталеона, он бы стиснул зубы и вернул их! Но в рыжем наглеце было что-то настолько отвратительное, что Мильтеад нутром чуял: заемная табличка подложная. И надо во что бы то ни стало избавиться от нее. Именно поэтому он ловил каждое слово Панталеона, именно поэтому не обращал внимания на удивление и даже возмущение гостей.

– Да, на Крите и в Спарте я не знал недостатка в приличных женщинах! – не унимался Панталеон. – А здесь, а Афинах?! Я отлично знаю законы и помню, что еще Солоном было запрещено порнам выбираться из Пирея и появляться в Афинах до захода солнца, а что я увидел?! Керамик, красивый сад, где погребены герои, павшие за отечество, стал местом, где шлюхи ищут любовников! Я прошел там разок... девки пытались повиснуть на мне, хватали за руки, расхваливали свои умения, а некоторые принимали самые соблазнительные позы и умудрялись простоять так изрядное время, надеясь, что я клюну на их прелести. А стена Керамика вся сплошь исписана зазывными объявлениями с имена девок... рядом обозначены суммы, которые предлагают глупцы за то, чтобы попользоваться этими сточными канавами, куда сливают свою похоть все, у кого только есть деньги! Нет, если бы искал любовницу в Афинах, я пожелал бы только чью-нибудь жену. Немало ведь есть красоток, которые недовольны своими супругами и не прочь получить удовольствие на стороне.

– Ты хочешь замужнюю женщину?! – изумленно выкрикнул один из гостей. – Ну, ты или смельчак, или безумец! Разве ты не знаешь, какое наказание полагается за прелюбодеяние?! Да и что умеют замужние жены? Только ноги раздвигать! С самой простенькой порной куда интересней!

Завязался спор. Некоторые гости – те, что попьаней, – поддержали Панталеона и начали, хохоча, обсуждать прелести мельком виденных на улицах или в храмах чужих жен, другие настаивали, что только благодаря диктерионам и свободным порнам можно давать выход неистовому мужскому темпераменту, иначе ни один эллин не будет знать, чьих детей он воспитывает, а женщинам будет постоянно грозить насилие.

Сделав вид, что ему понадобилось по нужде, Мильтеад вышел из пиршественной залы и окликнул своего раба, который служил ему с детства и был посвящен во все тайны хозяина.

– Немедленно позови Родоклею, – приказал он. – Немедленно, ты понял?

Раба словно ветром вынесло из дома, а Мильтеад неспешно направился в отхожее место.

Он едва успел закончить свои дела и выйти за ворота, как услышал приближающийся топот, а потом из темноты на свет привратных факелов явились две бегущие фигуры: раб Мильтеада тащил за собой дородную женщину, которая совсем запыхалась и еле удерживала то и дело съезжающий с

головы парик.

— Господин, — с довольным видом склонился перед ним раб, и Мильтеад одобрительно похлопал его по плечу, а потом жестом отправил в дом.

— Господин, — пыхтя, поклонилась и Родоклея. — Что случи... что... что случилось?!

— Отдышись, — усмехнулся Мильтеад. — И поправь свой парик. Только побыстрее. У меня спешное и очень важное дело.

— Уж не вселился ли в тебя этим вечером Приап? — пристально взглянула на него Родоклея. — С чего это тебе так спешно понадобилась сводня в разгар пирушки, где полно ауетрид и танцовщиц, в любую минуту готовых возлечь с каждым из твоих гостей — порознь или со всеми вместе?

— Мне нужна твоя помощь, и, если все сладится, тебе не придется жаловаться на меня, — тихо сказал Мильтеад. — Но понимаешь, тут не совсем обычное дело... Мне этой ночью не нужна порна, мне нужна благочестивая супруга!

Большие голубые, некогда прекрасные, но до сих пор сохранившие яркость и выразительность глаза Родоклеи засверкали в свете факела, и Мильтеад понял что сводня с трудом сдерживает смех:

— Да ведь ты женат, господин мой!

— Перестань, у меня нет времени шутить, — буркнул Мильтеад. — Мне не нужна жена — мне нужна замужняя женщина! Вернее, не мне, а одному моему гостю, которому, видишь ли,

приспичило почесать свой пеос только лишь в лоне приличной гражданки.

– Ишь чего он захотел! – буркнула Родоклея. – Приличную гражданку ему охота! Да где же ее взять?

– Ты имеешь в виду, что в Афинах не найти ни одной приличной женщины? – не удержался от смеха Мильтеад. – Я слышал, что в Коринфе есть замужние женщины, которые изредка – когда их мужья уезжают по своим торговым делам! – надевают белокурые парики и идут в порт, притворяясь шлюхами и находя себе на ночь молодого пылкого мужчину, а то и нескольких. И денег с них не берут, а еще и платят им за удовольствие...

– Ну так ведь это Коринф, – неодобрительно сказала Родоклея. – А мы в Афинах... И что это за новости, будто женщина должна еще и платить любовнику?!

– Ты меня неправильно поняла, – покачал головой Мильтеад. – Этот человек, конечно, заплатит госпоже, с которой проведет время. Да еще и я приплачу...

Он умолк столь многозначительно, что ушлая Родоклея мгновенно насторожилась:

– За что? Что она должна сделать?

Мильтеад объяснил, что. И назвал сумму, которую получат Родоклея и женщина.

Сводня с шумом выдохнула воздух, не скрывая изумления и восторга, однако для порядка еще немного поторговалась – без особенной, впрочем, настойчивости, ибо цифра

и так была впечатляющей. Они быстро обсудили кое-какие мелочи, а потом Родоклея убежала, а Мильтеад поспешил вернуться к гостям.

Впрочем, его отсутствия, кажется, никто и не заметил, поэтому он без помех перекинулся словом с Фаллеем, сыном Леонтиска, – с тем самым своим приятелем, который так негодуяюще взирал на Панталеона, – и верный друг едва не подавился от смеха, узнав, что задумал Мильтеад.

Теперь осталось лишь подстеречь подходящее мгновение. Долго ждать не пришлось. Панталеон вдруг воскликнул: – У вас уже языки заплетаются восхвалять добродетель афинянок. Хоть убейте – не могу поверить, что они все таковы. Неужто вы хотите сказать, что среди ваших знакомых нет ни одной, которая не желала бы гульнуть на стороне и не обращалась бы для этого к сводне?

Вот оно!

Мильтеад и его друг молниеносно переглянулись, и Фаллей вмешался в разговор:

– Чтобы узнать так это или нет, нужно спросить у какой-нибудь хорошей сводни.

– Да я и сам это понимаю, – с досадой ответил Панталеон. – Но вот беда – ни одной не знаю в Афинах! В Керамике ко мне лезли какие-то бабы, но они хотели подложить мне очередную шлюху. Мне нужна надежная сводня, которая сведет меня с приличной женщиной, лицо которой не

напоминает старую палету мастера тахиографии,³² как напоминает ее лицо порны!

– Почему бы тебе не обратиться к Родоклее? – усмехнулся Фаллей. – Это известная сваха и сводня. Я буду ей всегда благодарен – именно она помогла мне встретиться и с женой, и с любовницей. И я весьма доволен обеими! Подрастет сын – непременно направлю к Родоклее!

Кругом захохотали:

– А я своего уже направил!

– Да, Родоклея знает дело!

– И мне, и мне она помогла!

– Где она живет? Как к ней попасть? – жадно спросил Панталеон, и сотрапезники во всех подробностях описали ему жилище Роколеи, упомянув, что это в двух шагах отсюда, в укромном закоулке, а примета – огромная развесистая олива, в тени которой прячется дом.

Панталеон вскочил и ринулся было к выходу, однако его задержал раб, с поклоном подавший ему гиматий, пояс и хламиду. Мильтеад заметил, что первым делом Панталеон сунул руку в тяжело оттягивавший его пояс мешок с деньгами – именно оттуда он доставал табличку с долговой распиской. Лицо Панталеона приобрело довольное выражение, когда он убедился, что табличка на месте.

Мильтеад презрительно дернул уголком рта. Кем его считает этот рыжий наглец, одним из многочисленных учеников

³² Палета (*греч.*). – палитра, тахиография (*греч.*). – фреска.

Автолика, ³³ что ли?! Нет, он задумал кое-что похитрее... наверняка даже сам Одиссей позавидовал бы этой хитрости!

Афины, Диомейское предместье

– Непохоже, будто здесь кто-то жил, Родоклея! – недовольно сказал Панталеон, поднимаясь по ступеням невысокой террасы и пытаясь высмотреть хоть проблеск огонька меж закрытых ставен. – Куда ты меня ведешь?

– Некоторое время дом стоит пустой, ты угадал, – сказала сводня, и глиняный лампийон в ее руке покачнулся, словно кивнул в подтверждение ее слов, так что Панталеон испугался своей страшно изломившейся и заплывавшей тени. – Хозяйка – вдова, она отпустила слуг и уехала к заболевшей матери, но велела мне присматривать за домом. Я открываю его, когда одной красивой госпоже приходит желание немного поразвлечься.

– И часто к ней приходит такое желание? – спросил Панталеон, чувствуя, как возбуждение овладевает его чреслами.

– Часто-то часто, да ведь удовлетворить его она может, только когда уезжает ее супруг, – рассудительно ответила Родоклея. – Ты можешь быть уверен, господин: моя Кора скромна, чиста и нежна, как истинная девушка. ³⁴

³³ Автолик – сын Гермеса, самый ловкий и хитрый вор среди богов и людей. Считается, что он был дедом Одиссея, который и унаследовал от Автолика свое легендарное хитроумие.

³⁴ Игра слов: имя Кора и значит – дева.

— А как ее зовут на самом деле? — ухмыльнулся Панталеон.

— Спроси ее, — предложила сводня. — Если она тебе скажет, значит, непременно пожелает встретиться с тобой и в другой раз.

— Еще надо, чтобы я этого захотел! — заносчиво проговорил Панталеон, и Рококля покладисто кивнула:

— Конечно, господин!

Вслед за этим она дважды стукнула в ставню, и Панталеон увидел, что там мелькнул огонек, а затем приоткрылась дверь.

— Иди навстречу своему счастью, господин, — напутствовала Родокля, подтолкнув гостя вперед, однако Панталеон не расслышал, как сводня ехидно хихикнула, едва прикрыв дверь за его спиной.

Комната была хорошо освещена лампами, стоявшими по углам, и роскошь убранства поразила и обрадовала Панталеона. У шлюх комнаты куда проще и грязней!

Но еще больше поразило его роскошное одеяние хозяйки. Она была облачена в тончайший искристый шелк возбуждающего алого цвета. Такой шелк иногда привозят в Афины восточные торговцы, и он расходуется по баснословной цене. Он настолько дорог, что самые богатые горожане берут его для своих жен на платки и покрывала, на отделку гиматиев, но ни разу Пантолеон не видел, чтобы женщина была одета в наряд из этого шелка. Да и наряда такого он не видел... Ткань не ниспадала складками, скрывая фигуру, а, на-

против, обливала стан женщины, оставляя открытыми плечи, груди и руки и расходясь снизу плавной волной. Впрочем, плечи и верхнюю часть груди трудно было разглядеть под ворохом черных мелко выющихся волос, которые благоухали столь сладостно и маняще, что у Панталеона голова пошла кругом.

Панталеон не верил своим глазам. Вот это женщина! Ухоженная, словно египетская кошка, нарядная, словно дочь персидского царя, соблазнительная, словно дорогостоящая коринфская гетера, изящная, словно критская статуэтка, загадочная, словно сфинкс... И никаких следов краски на лице, и скромно опущены глаза, и руки боязливо стиснуты, и голос дрожит...

– Приветствую тебя, господин, – пролепетала красавица, не поднимая длинных ресниц. – Позволь предложить тебе освежиться...

Она повернулась и подошла к низкому столику, на котором теснились кувшины с вином и блюда со сладостями. Здесь же стояли два канфара.

У Панталеона помутилось в голове от ее танцующей походки и плавных движений обнаженных рук. И голос его прозвучал хрипло:

– Благодарю, Кора, я не люблю этого варварства – пить перед едой. Я сначала желал бы насладиться тобой, как самым лакомым блюдом, а потом мы вместе освежимся вином.

Как ни был Панталеон возбужден, он все же не хотел бы

угодить в ловушку. Опытные люди рассказывают множество историй о красотках, которые, притворяясь благонравными очаровательницами, опаивают доверчивых любовников снотворными зельями, а потом обирают их до нитки! Слуги этих девок уносят бедолаг на большую дорогу и бросают там голых и спящих. А то и убивают, чтобы не навели на след паршивой шлюхи!

Самое обидное, что, по рассказам, незадачливые искатели приличной любви погружались в сон столь быстро, что ничего не успевали найти!

И сейчас Панталеон намерен был ни за что не позволить себя одурачить! Сначала он получит то, за чем пришел. А потом...

Ему внезапно явилась великолепная мысль: а почему бы потом, когда он волю насладится этой восхитительной женщиной, не уйти, не заплатив? Конечно, его мешок с деньгами набит под завязку, но чертова сводня назвала какую-то несусветную сумму, которая почти ополовинит этот заветный мешок... А если Панталеон уйдет, женщина вряд ли сможет его остановить. И поднимать шум она не будет, конечно: иначе выйдут наружу все ее проказы, а за прелюбодеяние в Афинах и впрямь карают строго. Панталеон слышал ужасную историю о том, что какую-то изменницу и ее любовника сначала выставили на всеобщий позор на агоре, причем каждый мог плюнуть в них, кинуть камнем или грязью (большинство предпочитало пустить в ход содержимое

отхожих мест), а затем женщине в лоно, а мужчине в задницу воткнули по огромной черной редьке.

Панталеон знал, что с помощью большой редьки обычно наказывают злостных кинедов, насилующих мальчиков против их желания. Но за то, чтобы переспать с женщиной, которая сама просит тебя об этом, – это, конечно, чересчур!

Пока Панталеон был поглощен всеми этими мыслями, Кора смотрела на него чуть исподлобья, и он видел, как вздымается ее обнаженная грудь. Соски не были обведены краской, как у той девки на пиру, а розовели столь нежно и даже, можно сказать, девственно, что Панталеон больше не в силах был ждать совокупления. Он торопливо сбросил хламиду, начал развязывать пояс, однако Кора протянула к нему руки:

– Позволь помочь тебе, господин.

Панталеон с трудом сглотнул, так вдруг перехватило горло. Оказывается, в ожидании крылось наслаждение не менее сильное, чем в торопливом утолении похоти!

Наконец Кора совлекла с него все одежды и, взглянув на жаждущий фаллос, проворковала:

– Я вижу, господин, ты изнемогаешь от желания. Однако мне не хотелось бы спешить. Я была бы счастлива, если бы ты оказал мне ту же услугу, какую я оказала тебя. Раздень меня!

– Я больше не могу ждать! – прохрипел Панталеон, и тогда Кора, толкнув его на ложе, коснулась его плоти обнаженными грудями.

Панталеон с блаженным стоном излил семя на покрывало и некоторое время лежал, бессильно раскинувшись и переводя дыхание.

Наконец он ощутил возвращение сил и привстал:

– Теперь я готов раздеть тебя.

– Только не спеши, господин, не порви мой наряд, – шепнула Кора и положила его руку на пояс, обвивавший ее тонкую талию.

Панталеон наслаждался прикосновений тонкой ткани, а Кора продолжала смотреть на него исподлобья, изредка вздыхая, словно от нетерпения, а ее напряженные соски дрожали, сводя Панталеона с ума.

И вот наконец алый шелк упал, и Панталеон издал восторженный стон при виде этого совершенного, по-девичьи стройного и изящного тела.

И в то же мгновение он услышал испуганный крик Родоклеи, доносившийся с улицы:

– Господин, господин мой!

– Кто там? – насторожился Панталеон.

– Не знаю, – пролепетала испуганная Кора, делая слабые попытки снова одеться, но у нее вдруг так затряслись руки, что скользкая ткань упала на пол.

– Спаси свою жену! – продолжала панически кричать Родоклея. – Спаси ее, господин мой Атамус!

– Атамус?! – простонала Кора. – Мой муж! Нет, нет!

Панталеон замер, пригвожденный к ложу страхом, а в сле-

дующий миг дверь распахнулась, и в покои ворвался широкоплечий, длиннорукий и длиннорукий мужчина, который немедленно набросился на Панталеона и вцепился в его горло с криком:

– Ты меня обесчестил, негодяй! Обесчестил!

Все поплыло перед глазами Панталеона, вожеление покинуло его мгновенно, и все существо было заполнено только одним – страхом смерти. Он слышал крики Кору (или как ее там на самом деле зовут, эту пакостницу, поглоти ее Аид трижды или даже четырежды!), которая клялась всеми богами, что этот дом принадлежит одной ее подруге, богатой вдове («Ты не знаешь ее, супруг мой!»), которая отправилась к ложу умирающей матери в Элевсин, и Кора иногда заходит сюда наряжаться в ее платья, потому что завидует красоте этих одеяний и щедрости ее мужа («Прости, господин, ты никогда не дарил мне таких роскошных тканей, сандалий и драгоценностей!»). Кора уверяла, что она примеряла новый наряд, но тут ворвался этот незнакомец и набросился на нее. Он сорвал с нее одежду и швырнул на ложе, однако она успела увернуться – и незнакомец спустил семя на покрывало («Ты видишь, господин, вот это пятно, а на мне нет следов его похоти, я не изменила тебе!»). Кора поведала, как она стала звать на помощь. Очевидно, это услышала Родоклея, которая случайно проходила мимо, подняла крик – а тут каким-то чудом Атамус оказался рядом.

– Какое счастье, что ты спас меня, супруг мой! – с рыда-

нием выкрикнула Кора.

Даже полузадохшемуся Панталеону история, поведенная Корой, казалась совершенно неправдоподобной. А впрочем, какая разница, поверит ли Атамус своей блудливой женушке? Ему-то, Панталеону, в любом случае худо придется. Уж не наврать ли, что он был приятелем покойного мужа этой выдуманной подружки Кору – и тот оставил ему в наследство все свои одежды? Нынче он зашел полюбоваться наследством, а тут вдруг и Кора явилась примерить одежды подружки... ну, и они так увлеченно помогали друг другу управиться со складками хитонов и гиматиев, что Панталеон и не заметил, как из него истекло семя... А может, заодно соврать, будто у него бленорагия?..

Нет, тогда Атамус наверняка пришибет его на месте. Или окончательно придушит!

Ох, да что же он лежит пластом, словно его уже придушили, почему не брыкается, не сопротивляется?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.